

О. Я. БАЕВ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

**по проблемам криминалистики
и уголовного процесса**

Олег Баев

**Избранные работы по
проблемам криминалистики и
уголовного процесса (сборник)**

«ЭКСМО»

2011

Баев О. Я.

Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса (сборник) / О. Я. Баев — «Эксмо», 2011

В издание, посвященное 70-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора О.Я. Баева (28 июня 1941 г. р.), включены его работы разных лет по проблемам криминалистики и уголовного процесса. Для криминалистов, специалистов в области уголовного судопроизводства, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

© Баев О. Я., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Автобиографический пунктир	6
О структуре настоящего издания	11
1	12
Предисловие	12
Глава I	14
§ 1. Тактика как криминалистическая категория.	14
Содержание криминалистической тактики	
§ 2. Тактический прием и криминалистическая	20
рекомендация как внешние формы содержания	
криминалистической тактики	
§ 3. Нормы уголовно-процессуального закона как внешняя	25
форма содержания криминалистической тактики	
§ 4. Влияние криминалистической тактики на изменение	30
уголовно-процессуального закона	
§ 5. Уголовно-процессуальный закон – правовая основа	33
криминалистической тактики	
Глава II	36
§ 1. Функциональная структура – внутренняя форма	36
содержания криминалистической тактики	
§ 2. Тактические элементы планирования деятельности	38
по собиранию, исследованию и оценке следственной	
информации	
§ 3. Тактические элементы оценки следственной	48
информации	
§ 4. Тактические элементы организации деятельности	51
по собиранию, исследованию и оценке следственной	
информации	
Глава III	54
§ 1. Альтернативы направлений развития уголовно-	54
процессуального закона и криминалистической тактики	
как системы	
§ 2. Некоторые направления развития уголовно-	57
процессуального закона	
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Яковлевич Баев

Избранные работы

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор
Олег Яковлевич Баев

Автобиографический пунктир

Признаюсь, хотел предварить это издание многостраничным автобиографическим опусом.

Даже красивые возможные его названия придумал: «Взгляд из окна, выходящего в прошлое» или «Осколки неразбитого зеркала».

А потом подумал: кому она, моя автобиография – не считая самых своих близких людей, нужна – то?

Оставлю я ее, как говорят в Одессе, «на потом» (конечно же, «Е. Б. Ж», как замечал, планируя свою работу, Л. Н. Толстой в дневниках последних лет – «если буду жив»).

А потому здесь – сугубо конспективно, пунктирно, лишь «опорные точки» жизни человека, на неделю опоздавшего на войну.

А «лирику», авторские собственно комментарии к ним, буду выделять курсивом.

Родился я (если говорить красиво) в первой половине последнего века минувшего тысячелетия – 28 июня 1941 г. в г. Воронеже.

Потом – по развитию военной ситуации, нас всех – родителей, старшего моего брата Льва и, само собой, меня, вместе с авиационным заводом, на котором работал отец, эвакуировали в Куйбышев (бывшая и нынешняя Самара).

Жили мы в бараке в пригороде его с символическим названием «Безымянка», говорят, этот район существует и сейчас.

По словам мамы, зимой мои пеленки примерзали к стенке барака; летом каждые несколько часов она их застирывала – становились влажными не столько от естественных физиологических процессов, но от жары.

Из куйбышевского детства, бликом неким, вспоминается, что сижу в кинотеатре на коленях матери и оглушительно воплю: «Зааза, хочу домой! Пошли домой, зааза!».

В 1946 году, как мать потом рассказывала, по настоятельным советам врачей – и у отца, и у брата была астма – у меня она началась (а потому – продолжается) лет этак так через десять, мы переехали в Ялту.

В феврале 1948 г., когда мне шел седьмой год, отец умер.

До смерти отца мать не работала.

Не имея какой-либо, как я понимаю, профессии, мать за какие-то мелкие деньги работала сначала счетоводом в бухгалтерии поликлиники, потом кассиром в кинотеатре, потом – и продолжала в этой системе работать и после возвращения в Воронеж – продавцом в киосках «Союзпечати». Киоск для себя она всегда подбирала ближе к дому, чтобы чаще быть с нами...

Я никогда по настоящему – как многие другие дети моего поколения – не голодал. Но недоедал – часто.

И потому и сейчас, не годы – десятилетия спустя, я не могу, чтобы дома не было хлеба...

Мама умерла в 1980 г. Брат с конца восьмидесятых живет в Израиле.

В начале 1957 года мы возвратились в Воронеж.

В том же году, окончив 9 класс, я начал работать слесарем, как пишут в официальных автобиографиях, «на ряде различных предприятий г. Воронежа».

Три года – в монтажной конторе облкомхоза. Затем появилась «тяга к перемене мест»: поменял несколько заводов; пару месяцев был слесарем – сантехником в театре музыкальной комедии (посмотрев все спектакли – большинство не понравилось, ушел; это единственное мое музыкальное прошлое); несколько месяцев проработал в оставшейся до сегодняшнего дня мне загадочной должности завхоза Центрального районного суда.

Кстати сказать, председателем суда в то время был Лев Дмитриевич Кокорев, будущий доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики университета, под руководством которого я впоследствии проработал более десяти лет.

Но завхозом я был таким, что он меня в этой должности наглухо, совершенно не запомнил.

Параллельно с «монтажничеством» **я в 1958 году окончил 10 класс вечерней школы, и в том же году поступил на вечернее отделение вновь созданного юридического факультета Воронежского госуниверситета.**

Собственно, я поступал в Воронежский филиал Всесоюзного юридического заочного института, который возглавлял Роман Васильевич Литвинов.

Но перед началом занятий Р. В. собрал поступивших и торжественно сообщил, что филиал ликвидируется, создается в университете вечернее отделение юридического факультета, деканом которого назначен он.

Затем он предложил каждому сделать выбор: остаться в ВЮЗИ, либо написать заявление о переводе в ВГУ, уточнив, что в ВЮЗИ учатся около четырех лет, а в ВГУ – шесть (учитывая, что отделение – вечернее).

Но когда тебе 17 лет, какое имеет значение лишних год-полтора учебы! И все же, опять же, ВГУ!!!

Так, волей судеб я стал первым студентом – студентом первого набора – юридического факультета Воронежского государственного университета.

На курсе было нас всего около 20–25 человек. В основном, это были люди в возрасте, многие из них – с Войны. Учился со мной и боевой летчик-штурмовик Василий Павлович Сидякин, Герой Советского Союза. То, что я учился с ним – тоже для меня было неким воспитанием.

На следующий год было создано дневное отделение нашего факультета. И те молодые вечерники, нас таких было мало, которые имели на то возможность – я нет – перевелись на него.

В октябре 1962 года, в возрасте 21 года, исполнилось мое нетерпеливое желание: я стал следователем прокуратуры; иными словами, перешел «на профессиональное, легальное положение».

Сначала – так сложилось – в нескольких глухих районах Калужской области, затем с января 1966 года в Рамонском районе Воронежской области, а с 1967 года в самом Воронеже.

И сейчас убежден, что это были самые счастливые мои годы: следствие я любил, считал и считаю его настоящей мужской работой. Да (что, очевидно, субъективно самое важное) оно как будто у меня «получалось».

Следственных подлостей допустил, думаю, немного. Несколько я помню до сегодняшнего дня, и во снах иногда в причинах их разбираюсь

Проработал я следователем ровно одиннадцать лет, уволился в связи с переходом на работу в университет.

А было это так.

Появилось тревожное и перманентно – постоянное чувство, что устал я от следствия, люди мне надоели.

А их – жалко, а потому – уходить надо (другого места для себя, кроме как следователь, в прокуратуре я не видел).

...Однажды осенью семьдесят третьего встретил на Проспекте Революции своего бывшего декана Романа Васильевича Литвинова.

– *Читаю вас, почитываю, – говорит он (а я тогда, кроме всего, писал детективы и популярные криминалистические очерки, которые, время от времени публиковались, в том числе, и в местных газетах).*

– *Не надоело ли вам следствие? Вам бы в университет – вы же, – льет он бальзам на мою изболевшуюся (смотри выше) душу – человек по складу университетский.*

И тогда при первой возможности, **в октябре 1973 года** я сменил петлицы со звездой младшего советника юстиции (то бишь, майора) на гордую **должность ст. лаборанта кафедры уголовного процесса и криминалистики Воронежского государственного университета** (из уважения к себе, я при знакомстве с кем-либо представлялся скромно и просто – научный сотрудник кафедры).

При этом я потерял треть ежемесячной зарплаты. Однако, если нынешний следователь, даже с небольшим опытом, рискнет повторить тот мой шаг, то он будет терять не на треть зарплаты, а на порядки больше. Убежден: в этом основная причина того, что сейчас, зачастую, криминалистике студентов обучают преподаватели, знающие как расследовать преступления, в основном по книгам и детективным телесериалам (да и другим юридическим дисциплинам, ярко выраженной прикладной направленности, соответственно).

Был затем последовательно преподавателем, доцентом этой же кафедры.

Кандидатскую диссертацию на тему «Криминалистическая тактика и Уголовно-процессуальный закон» защитил в 1976 году в Белорусском государственном университете.

Научный руководитель – профессор Геннадий Федорович Горский. Официальные оппоненты – доктор юридических наук профессор Михаил Павлович Шаламов, кандидат юридических наук, доцент Николай Николаевич Гапанович (они все уже ушли, светлая им память).

Докторскую диссертацию на тему «Конфликтные ситуации на предварительном следствии (процессуальные и криминалистические средства предупреждения и разрешения) **защитил в 1986 году в Ленинградском государственном университете.**

Официальные оппоненты – доктора юридических наук, профессора Игорь Евсеевич Быховский, Феликс Викторович Глазырин, Иван Филиппович Крылов.

В том же 1986 году был избран на должность заведующего кафедрой криминалистики, в коей состою и в настоящее время.

Написал ряд монографий, комментариев к уголовному и Уголовно-процессуальному закону, учебных и Научно-практических пособий, еще больше количество научных статей (список, как пишут в официальных документах, прилагается).

Вообще-то, первой моей публикацией была статья с незатейливым названием «Магнитофонная запись показаний обвиняемого помогла суду в установлении истины», написанная по материалам расследованного мной уголовного дела, и опубликованная в 1968 году в периодическом издании Генеральной прокуратуры СССР «Следственная практика», (вып. 80).

Был руководителем (научным консультантом) ряда докторских и кандидатских диссертаций (список, опять же, прилагается).

Большинство из преподавателей кафедры – мои ученики. С одной стороны, это, несомненно, хорошо – школа; с другой, к сожалению, неожиданных для меня оригинальных и еретических научных идей в этой же связи у них маловато.

Без ложной скромности скажу, что одной из своих заслуг считаю создание вместе с проф. Л. Д. Кокоревым докторского диссертационного совета по специальностям 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, а затем, – и 12.00.14 – административное, муниципальное и финансовое право. Ряд лет после безвременного ухода из жизни этого крупного ученого и организатора, я являлся его председателем (ранее был заместителем председателя). В разные годы «иногородними» его членами были Татьяна Витальевна Аверьянова, Рафаил Самуилович Белкин, Владимир Иванович Комиссаров, Владимир Михай-

лович Корнуков, Елена Рафаиловна Россинская и другие ведущие ученые по специальности 12. 00. 09. Наш диссертационный Совет, по моему убеждению, был и остается одним из наиболее представительных и стабильных в стране.

Сейчас он весьма успешно возглавляется профессором Юрием Николаевичем Стариковым, несомненно, глубоко одаренным и работоспособным ученым, наиболее существенным «недостатком» которого для меня является то, что он не криминалист, а «административщик».

Более двадцати лет – практикующий адвокат по уголовным, сами понимаете, делам.

О личной жизни (в пределах, без которых нельзя обойтись в автобиографических повествованиях).

Женат я – страшно сказать – сорок пять лет! Жена – кандидат наук, доцент кафедры математических методов исследования операций факультета прикладной математики и механики нашего университета.

И это притом, что таблицу умножения временами я вспоминаю с трудом!!!

Скажу честно: не будь ее, я никогда не стал бы таким, каким стал (сами понимаете, в лучшем смысле этого выражения)...

Я ей благодарен не только за двоих наших замечательных детей, а, следовательно, и за прекрасных внуков, но и за постоянно подставляемое в любых ситуациях (а они были, и бывают всякие!) плечо, за помощь во всем, за надежный свой тыл.

Сын Максим (родился в 1969 г.) – доктор юридических наук, профессор, один из ведущих специалистов страны в проблемах теории и практики уголовной защиты, активно действующий адвокат; дочь Анна (год рождения – 1973) – ответственный банковский служащий. Старшая внучка Ксения уже студентка нашего факультета (третье поколение юристов!), остальные внуки-школьники и детсадовцы.

Я, по большому счету, – человек счастливый.

Мне мало кто в жизни помогал, но и мало кто всерьез мешал.

И воспитывали меня хорошие люди...

... Как-то я побывал в Царском Селе. На стене лица я увидел «справку – уведомление» – «Здесь воспитывался Пушкин». Не учился – воспитывался.

Воспитывают и те, с которыми ты не был лично знаком, но которых читал или слушал.

Как младший (не намного) брат детей XX съезда, до сего дня ощущаю себя воспитанником многих своих современников – перечисляю не по значимости, а потому, как вспоминается: Андрея Дмитриевича Сахарова, Варлама Тихоновича Шаламова, Александра Исаевича Солженицына, Паустовского (кстати, в свои годы мне пришлось расследовать дело об убийстве собаки Константина Георгиевича), братьев Стругацких, Василия Аксенова, Анатолия Жигулина, «Чехова с гитарой», как называл его Евгений Евтушенко – Булата Окуджавы, Андрея Вознесенского, Александра Галича многих других из поколения «шестидесятников»

В мои годы у меня могут меняться мнения, но не убеждения...

Это было великое поколение. И в противоположность общепринятому сейчас взгляду, оно, по моему убеждению – поколение победивших.

Зачастую, трагической и неизвестной уже нынешней молодежи судьбе Людей, «сделавших» это поколение (мало кому из нынешней молодежи что – либо говорят имена «вечного ээка» и там же, в тюрьме, умершего при голодовке Анатолия Марченко, генерала Петра Григоренко, Петра Якира, других ... многих), мы обязаны исчезновением патологического страха перед государством, сакрального отношения к его руководителям, тем, что можем читать те книги, которые хотим читать, можем ездить куда хотим (и главное – оттуда возвращаться) и даже, как это на первый взгляд, не покажется парадоксальным, наполненными полками наших магазинов.

Правда, менеджеров и политиков из большинства из них не получилось. Но они – сделали все, что могли, свое – что не могли не делать – сделали.

С искренней благодарностью я вспоминаю своих уже ушедших учителей и друзей по жизни и по науке

– художника Аркадия Павловича Васильева, воспитавшего во мне чувство понимания (точнее – ощущения) живописи от Микеланджело, Ван-Гога, Модильяни, Филонова до Пикассо и Дали (многих пропускаю),

– поэта и прозаика – моего соавтора по нескольким детективным рассказам – Валерия Борисовича Мартынова,

– редактора издательства Воронежского государственного университета Людмилу Николаевну Нечепаву, бестрепетной рукой вычеркивавшей из моих рукописей всякие несуразности, преподавшей мне первые руки технологии научного писания,

– первого своего прокурора из тьму – тараканского (Барятинского) района Калужской области Петра Яковлевича Сулимова, прокурора – криминалиста прокуратуры Воронежской области Михаила Лейбовича Тынкова,

– профессоров Рафаила Самуиловича Белкина, Игоря Евсеевича Быховского, Ивана Александровича Галагана, Геннадия Федоровича Горского, Василия Федоровича Зудина, Льва Дмитриевича Кокорева, Дмитрия Петровича Котова, Владимира Ивановича Шиканова...

О каждом из них у меня много благодарных слов в памяти...

У меня сложились (и сохраняются) дружеские отношения со многими ведущими криминалистами как нашей страны, так и Украины, Беларуси, Польши, других стран ближнего и дальнего зарубежья.

Мне повезло и в том, что факультет наш многие годы возглавляет талантливый организатор – профессор Валентин Анатольевич Панюшкин, обеспечивающий – и это мне (можно сказать, как специалисту по конфликтам) представляется самым важным – в целом благожелательную, бесконфликтную, но требовательную обстановку в нашем очень непростом коллективе.

И в том, что на факультете работает много известных ученых и творчески активных молодых преподавателей.

Да и студенты у нас, в большинстве своем – хорошие..., действительно, без ханжества и старческого брюзжания, очень хорошие...

Им, студентам (да и не только студентам), хотел бы лишь пожелать, чтобы они чаще вспоминали слова Пети Трофимова (тоже студента) из чеховского «Вишневого сада»: «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать».

Кроме того, я – реалист: даже слава, как писал о том Бальзак, (не говоря уже лишь о некоей просто известности в узких кругах) – самый невыгодный товар. Стоит дорого, а сохраняется плохо.

...А если что пожелать себе.... К юбилею...

«...Чуть помедленнее, кони...».

О структуре настоящего издания

Я – чтобы показать «динамику творческого развития» своего – позволил включить в данное издание в хронологической последовательности две из первых моих монографий, и две, на сегодняшний день, «крайних».

Кроме того, счел необходимым воспроизвести в нем отдельные фрагменты из других своих работ последних лет.

В первом из них отражено несколько изменившееся (относительно от отстаиваемого ранее) нынешнее мое мнение о сущности и предмете криминалистической тактики.

Во втором фрагменте, – обоснование сущности криминалистической адвокатологии, понятие которой (многими учеными, предупреждаю, осуждаемое) я в свое время ввел в научный оборот.

В третьем, наконец – не традиционное, на мой взгляд, понимание сущности и основ криминалистической методики.

Я хочу также воспроизвести – чтобы в десятый, двадцатый раз не повторять одно и то же своим аспирантам и соискателям – свою небольшую статью о том, как писать диссертации по юридическим специальностям. Сразу оговорюсь, что мнение мое о том, как говорят, «не претендует на абсолютность», но что-то правильное, мне кажется, в нем есть...

И, как это было обещано – списки своих основных публикаций и учеников.

1

Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон

Предисловие

Советская криминалистика традиционно подразделяется на три взаимосвязанные, взаимообусловленные и в то же время в определенной степени автономные части: криминалистическую технику, криминалистическую тактику и методику расследования отдельных видов преступлений. В этой системе, однако, криминалистическая тактика занимает особое место: все научно-технические приемы и средства криминалистической техники опосредствуются в уголовном судопроизводстве лишь через криминалистическую тактику [42, 82]. Методика же расследования отдельных видов преступлений в целом состоит в разработке и приложениях тактических приемов и криминалистических рекомендаций к специфике расследования отдельных видов преступлений. Эти обстоятельства и обуславливают специфическое место криминалистической тактики в общей системе советской криминалистики.

Современный этап развития криминалистической тактики характеризуется активным исследованием ее теоретических проблем. Это вполне естественно, ибо изучение именно основополагающих вопросов имеет существенное, принципиально важное теоретическое и практическое значение. «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, – указывал В. И. Ленин, – тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы... <...> ...Безнадежно будет путаться в мелочах и частностях» [9, 368–369].

Именно в связи с изложенным теоретические (вопросы криминалистической тактики в настоящее время привлекают к себе внимание многих исследователей (Л. Е. Ароцкер, Р. С. Белкин, А. В. Дулов, А. Н. Васильев, А. И. Винберг, С. П. Митричев, А. Р. Ратинов, М. И. Шаламов и др.).

Почти во всех без исключения работах, касающихся теоретических проблем криминалистической тактики, так же, как и в работах многих исследователей советского уголовного процесса (М. С. Строгович, П. С. Элькинд, М. Л. Якуб и др.), в том или ином аспекте рассматривается вопрос о соотношении криминалистической тактики с уголовно-процессуальным законом. Это естественно, так как разрабатываемые криминалистической тактикой средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений реализуются в рамках уголовного судопроизводства. Поэтому нормы уголовно-процессуального закона изучаются как наукой уголовного процесса, так и наукой криминалистикой. Важность и необходимость всестороннего комплексного исследования такой сложной динамической системы, которой представляется криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон, вытекает из положения, сформулированного К. Марксом: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [1, 7].

Однако до настоящего времени в советской юридической литературе отсутствуют монографические работы, посвященные этой сложной, актуальной, имеющей большую практическую значимость проблеме соотношения криминалистической тактики и уголовно-процессуального закона.

Невозможность анализа всех без исключения аспектов указанной темы привела автора к необходимости ограничить свое исследование лишь некоторыми, на наш взгляд наиболее существенными и дискуссионными вопросами рассматриваемой проблемы. Так, изучение вопроса о соотношении криминалистической тактики и уголовно-процессуального закона невозможно без подробного рассмотрения содержания и форм существования криминалистической тактики с позиций системно-структурного анализа таких парных категорий марксистско-ленинской диалектики, как «форма и содержание», «свобода и необходимость». Это позволило более глубоко осмыслить внутренние и внешние связи, существующие между криминалистической тактикой и уголовно-процессуальным законом.

Но, с другой стороны, это же заставило нас сознательно ограничить широкий круг уголовно-процессуальных вопросов, возникших при исследовании, лишь минимумом тех, без освещения которых наша работа не была бы логически завершенной. Указанными причинами объясняется также и то, что автор был вынужден рассмотреть поставленные вопросы лишь применительно к предварительному следствию, не касаясь некоторых специфических их аспектов на других стадиях уголовного судопроизводства.

Глава I

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ. СООТНОШЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

§ 1. Тактика как криминалистическая категория.

Содержание криминалистической тактики

Термин «тактика» впервые возник в военной науке. Военная тактика изучает Объективные закономерности боя и разрабатывает пути и средства, формы и приемы борьбы, наиболее соответствующие конкретной обстановке в данный момент и вернее всего обеспечивающие успех [125, 6]. В переносном, более общем смысле, в каковом термин «тактика» употребляется в криминалистике, он обозначает совокупность средств и приемов для достижения намеченной цели [97, 777].

В советской криминалистике одно из первых развернутых определений криминалистической (иногда ее называют «следственной») [см. 31] тактики было дано в 1938 году. «Криминалистическая тактика, – писал Е. У. Зицер, – есть система приемов предварительного следствия, дающая возможность на основе изучения особенностей каждого конкретного следственного дела наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил и средств реализовать в этом деле требования материального и процессуального права» [59, 4–5]. Как систему тактических приемов проведения следственных действий определяют криминалистическую тактику Имре Кертэс, В. Е. Коновалова и ряд других авторов. Так, Имре Кертэс полагает, что криминалистическая тактика – это «система тактических приемов, используемых следователем для достижения наиболее эффективных результатов при проведении отдельных следственных действий» [65, 3].

По нашему мнению, основным недостатком такого рода определений является сведение тактики к совокупности приемов используемых для проведения следственных действий. В них (указанных определениях) совершенно не отмечается, на какой основе разрабатываются эти приемы, а также сужается область применения криминалистической тактики, ибо тактические приемы могут быть и должны использоваться не только для проведения отдельных следственных действий, но и для организации и планирования расследования в части собирания и исследования доказательств, а также и для оценки информации в процессе расследования.

В. Е. Коновалова, сводя криминалистическую тактику к приемам и методам, применяемым при производстве следственных действий, отмечает, что эти приемы и методы «основаны на требованиях уголовно-процессуального закона» и что используются они «в целях предупреждения и расследования преступлений» [67, 15]. По существу это определение вызывает то же возражение, что и указанное выше, ибо источниками криминалистической тактики и разрабатываемых на их основе научных положений является не только уголовно-процессуальный закон, регламентирующий всю деятельность судопроизводства в целом, в том числе и порядок производства отдельных следственных действий, но и изучение, и обобщение опыта судебной следственной практики, а также творческое использование достижений многих наук (логики, психологии, техники и т. д.).

А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко более четко определяют область применения криминалистической тактики, указывая, что она разрабатывает криминалистические рекомендации, «необходимые для процесса собирания и исследования доказательств, на основании которых

устанавливается факт преступления, виновные лица, степень их ответственности – устанавливается объективная истина по делу» [56, 3]. Однако и эти авторы не упоминают о том, на какой основе разрабатываются тактические приемы и рекомендации и также не говорят о возможности и необходимости применения их для организации и планирования доказательственной части расследования.

А. Н. Васильев полагает, что тактика как часть криминалистики есть «система тактических приемов, разработанных на основе специальных наук, и, главным образом, логики, психологии, научной организации труда, а также обобщения следственной практики для применения логических методов познания, формирования психологии отношений следователя с участниками следственных действий, организации планомерного расследования преступления в целях эффективного собирания доказательств в соответствии с нормами УПК [39, 32]. Таким образом, А. Н. Васильев в определении тактики подробно перечисляет научные основы формирования тактических приемов (данные науки логики, психологии, научной организации труда и т. д.) и сферы приложения их.

Однако данная дефиниция также вызывает определенные возражения. В первую очередь, недостатком этого определения, на наш взгляд, следует признать то, что в соответствии с его конструкцией сами научные основы тактики, ее научные положения не включены в систему, образующую эту часть криминалистики. Ведь тактика как часть науки не только разрабатывает тактические приемы на основе научных положений, но, что не менее важно в теоретическом и практическом плане, изучает возможность использования достижений других наук (психологии, логики, научной организации труда, праксеологии и др.) для разработки и обоснования тактических приемов и криминалистических рекомендаций по их использованию. В этой связи представляется, что система тактики состоит не только из тактических приемов, разрабатываемых на научной основе, но и из научных положений на основе которых разрабатываются тактические приемы и криминалистические рекомендации.

Более точное определение криминалистической тактики дано Р. С. Белкиным, который рассматривает ее как «систему научных положений и разрабатываемых на ее основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступления» [23, 71].

Однако, на наш взгляд, в этом определении не учтены следующие моменты. В настоящее время в условиях научно-технической революции организация и планирование предварительного и судебного следствия должны соответствовать современному уровню науки. Научные положения, на основе которых разрабатываются тактические рекомендации, не могут не испытывать на себе влияние достижений в области научной организации труда и теорий управления, и потому определение тактики должно отмечать научный характер указанных структурных элементов криминалистической тактики. Кроме того, оно должно включать указание на принцип строжайшего соблюдения социалистической законности и требований профессиональной этики, лишь на основе которых, могут (помимо научных положений) разрабатываться тактические приемы. Научная организация и планирование деятельности по собиранию, исследованию и оценке доказательств, на наш взгляд, полностью включают в себя и остальные компоненты, указанные в определении криминалистической тактики, данным Р. С. Белкиным: линию поведения лиц, осуществляющих эту деятельность, приемы проведения отдельных процессуальных действий и т. п., так как только в сфере организации и планирования данной деятельности они находят свое выражение (о чем мы более подробно будем говорить во II главе).

Некоторые авторы расширяют границы тактики, считая, что она содержит тактические рекомендации о приемах выполнения не только отдельных следственных действий, но и опе-

ративно-розыскных мероприятий [136, 251; 56, 13]. Критикуя данную точку зрения, Д. В. Гребельский справедливо обратил внимание на то, что включение приемов проведения оперативно-розыскных мероприятий в криминалистическую тактику затрудняет разграничение уголовно-процессуальной деятельности от оперативно-розыскной работы. В ходе последней используются сугубо специфические приемы разведывательно-поискового характера специально уполномоченными подразделениями и должностными лицами, в связи с чем оперативно-розыскная работа происходит в ином правовом режиме, чем процессуальная деятельность по собиранию, исследованию и оценке доказательств [52, 55–56; см. также 215]. Поэтому включение приемов проведения оперативно-розыскных мероприятий в систему криминалистической тактики представляется нам необоснованным, хотя не вызывает сомнений, что оперативно-розыскная деятельность, как и тактика, подчинена требованиям закона и направлена на строжайшее его исполнение.

Учитывая изложенное, мы считаем, что возможно определить криминалистическую тактику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе, строго соответствующих принципу социалистической законности и требованиям профессиональной этими приемов и рекомендаций по научному планированию и организации деятельности по собиранию и исследованию доказательств, а также по оценке информации в процессе доказывания на предварительном и судебном следствии.

В криминалистической литературе до настоящего времени нет, к сожалению, подробных исследований, посвященных содержанию криминалистической тактики как части науки криминалистики, хотя необходимость и практическая значимость изучения этой проблемы очевидны. В частности, без такого исследования невозможно глубокое рассмотрение вопросов, касающихся как форм криминалистической тактики, так и соотношения внутренних и внешних связей между тактикой и уголовно-процессуальным законом. Так как именно эти вопросы являются темой настоящей работы, мы и попытаемся исследовать содержание криминалистической тактики как части науки криминалистики.

Как известно, марксистско-ленинская философия определяет содержание как совокупность элементов, процессов, образующих предмет, явление. При этом необходимо четко представлять, что содержание в смысле состава элементов нельзя понимать упрощенно, как их набор, как механическую сумму объектов нижележащего уровня. Объединение в систему обязательно сопровождается определенными изменениями некоторых свойств элементов, и потому содержание представляет собой совокупность элементов, уже соответственно измененных, «приспособленных» к объединению в систему, хотя и сохраняющих свою качественную специфику [58, 59]. С этих позиций представляется, что содержание криминалистической тактики можно рассматривать как изучение возможности использования закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации и разработку допустимых путей использования результатов проявления этих закономерностей на всех уровнях деятельности по доказыванию.

В подтверждение нашего положения о содержании криминалистической тактики как части науки криминалистики обратимся вновь к определению тактики как криминалистической категории, ибо, как известно, определение понимается как формулирование (в ясной и сжатой форме) содержания определяемого понятия [49]. Выше мы определили криминалистическую тактику как систему, состоящую из двух относительно автономных частей: научных положений и разрабатываемых на их основе приемов и рекомендаций. Напомним, что любое явление, любой предмет может иметь множество различных определений, так как формулировка определения зависит от аспекта, в котором данный предмет рассматривается. В. И. Ленин в «Конспекте книги Гегеля «Наука логики» указал: «Чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения» [12, 216]. Это целиком относится и к

криминалистической тактике. В юридической литературе имеется ряд ее определений. Некоторые из них приведены и исследованы нами выше¹. Общим для большинства из них является указание о том, что тактика – это система приемов и рекомендаций, необходимых для процесса собирания, исследования и оценки доказательств и для наиболее эффективного производства следственных действий. Следовательно, все авторы приходят к единому мнению, что сферой приложения криминалистической тактики являются условия и порядок деятельности по доказыванию. (Понятие «деятельность» в данном случае понимается как «совокупность действий, объединенных общей целью и выполняющих определенную общественную функцию [96, 92]). Тактика предлагает способы осуществления данной деятельности. В них находят свое отражение условия и порядок собирания, исследования и оценки доказательств, в том числе: проведения отдельных следственных действий, планирования, организации и оценки на всех их уровнях для достижения определенного результата по доказыванию. Под результатом в данном случае понимается полное, всестороннее и объективное выяснение фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу.

Так как способы действия обуславливают достижение результата, то между ними имеют место сложные и многозначные причинно-следственные связи, которые являются отражением реально существующих отношений, и, как известно, составляют одну из основных форм детерминации явлений материального мира [6, 544–547; 4; 10, 157–175; 181–195; 28, 141–398].

Тадеуш Котарбинский, рассматривая вопрос о причинной связи между действием и результатом в праксиологии, отметил, что условия причинной связи выполнены тогда, и только тогда, когда произвольный импульс агента действия либо прямо контактировал с объектом, либо был на него перенесен (возможно с количественной и качественной модификацией), либо состоял в установлении или устранении преград между объектом и импульсом, направленным к нему [69, 40]². Представляется, что исходя из задач тактики, условия причинной связи в нашем случае выполняются тогда, когда способы действия следователя состоят в устранении преград между ним и объектом, на который они направлены, для получения от объекта информации, либо когда они направлены на установление преград, пресекающих возможность для объекта исказить или скрывать информацию, которой он располагает.

Поскольку причинно-следственные связи носят закономерный характер, то в нашем случае отношения между результатом и способами его достижения можно рассматривать как систему закономерностей, используемых в деятельности по доказыванию.

Исследуя вопрос о закономерностях, результаты проявления которых используются при доказывании, следует отметить весьма интересную классификацию закономерностей возникновения информации о преступлении, данную Ф. Ю. Бердичевским. Автор, рассматривая криминалистическое понятие раскрытия преступления (а именно эта часть расследования является сферой наиболее активного применения достижений тактики), выделяет две группы закономерностей, которые отражают особенности возникновения информации о преступлении. Во-первых, это закономерности, обусловленные особенностями отдельных видов носителей (источников) информации, т. е. на языке теории отражения, особенностями отражающих объектов – материальных предметов, изменяющихся под воздействием события преступления, и человеческой психики, воспринимающей эти воздействия на уровне ощущений. Во-вторых, закономерности возникновения информации о преступлении, обусловленные особенностями

¹ Проанализировав историю изменения определения криминалистической тактики, Р. С. Белкин и А. И. Винберг отметили, что, несмотря на различие этих определений, иногда принципиальное и существенное, между ними во всех случаях сохраняется линия связи и преемственности [24, 56].

² Праксиология является наукой по существу близкой к науке управления. Однако тогда как последняя изучает, разрабатывает закономерности рациональной деятельности с точки зрения возможности ее автоматизации, то праксиология формирует в общем виде методы рационализации Деятельности с позиций психологии, логики, социологии и др. Представляется, что для тактики важны закономерности, выявляемые и изучаемые как праксеологией, так и наукой управления.

самого события преступления, особенностями отражаемого объекта – видом преступления, способом его совершения, характером вредных последствий и т. д. [26, 141–146]. Ф. Ю. Бердичевский полагает, что первый вид закономерностей является предметом изучения, в частности, криминалистической тактики, второй же изучается в рамках частных методик расследования отдельных видов преступлений [26, 141–142]. Не ставя перед собой задачи критического разбора предложенной классификации закономерностей, изучаемых той или иной частью криминалистики, отметим, что входящие в содержание криминалистической тактики (и подлежащие в этой связи изучению) закономерности, на наш взгляд, могут быть классифицированы в зависимости от взаимодействующих элементов следующим образом:

А – Закономерности, отражающие объективно существующие связи между элементами среды. Эти связи являются предметом изучения естественных наук: механики, физики, химии, биологии и т. д. Примером таких закономерностей могут служить: распространение звука на определенное расстояние при выстреле; безусловное наличие повреждений на ригелях замка сейфа при его взломе и т. п. [см. 114].

В – Закономерности взаимодействия элементов среды, с одной стороны, и сознанием субъектов, воспринимающих эти элементы или их изменения – с другой. Этого рода закономерности относятся как к тем ситуациям, когда следователь воспринимает определенные изменения среды непосредственно (например, при различного рода осмотрах), так и к тем, когда информация воспринимается следователем опосредованно, через восприятие других субъектов (например, при допросах). Указанные закономерности изучаются естественными, а также рядом общественных и биосоциальных наук: психологией, социологией, педагогикой и т. п. Примером этих закономерностей могут служить: способность субъекта правильно отражать предметы или явления; неправильное восприятие происходящих событий малолетней потерпевшей в силу своего возраста и др. То, что лицо, допрашиваемое о чьих-либо приметах, как правило, называет особенности, касающиеся волос, глаз, бровей, связано с тем, что высокая различимость этих деталей лица человека обусловлена их нахождением в верхней части объекта, которая по общепсихологической закономерности воспринимается и различается в первую очередь, и т. п. [см. 101, 60].

С – Закономерности действий и поведения следователя в деятельности по собиранию, исследованию и оценке информации. Эта группа закономерностей отражает необходимую последовательность проведения тех или иных действий, их взаимообусловленность, а также выбор самих способов достижения результата в конкретной ситуации. Эти закономерности изучаются логикой, психологией, наукой управления, праксеологией, научной организацией труда, отдельными разделами математических методов исследования операций и рядом других наук. Примером проявления результатов одной из таких закономерностей может служить большая вероятность получения искаженной информации при допросе, проводимом путем постановки наводящих вопросов. Первые две группы закономерностей в основном описывают этапы возникновения и сохранения информации, связанной с расследуемым событием; третья же группа отражает связи, объективно существующие в деятельности по доказыванию при переработке информации, то есть при собирании, исследовании и оценке ее³.

Необходимо отметить, что криминалистическая тактика не столько изучает описанные закономерности (ибо, как сказано выше, непосредственно этим занимаются другие общественные и естественные науки), сколько выявляет возможность использования данных закономерностей и результатов их проявления в деятельности по доказыванию. Характерными примерами могут служить новые методы проведения криминалистических экспертиз, когда отдельные закономерности, изученные естественными науками стали использоваться для

³ Как и любая схема, данная классификация (также как и другие классификации, которыми мы будем оперировать далее), естественно, не претендует на абсолютность.

исследования доказательств, в частности, методы металлографии, радиоактивационного анализа и т. п.

Однако изучение закономерностей и возможностей их использования – это лишь одна из составных частей тактики, ее научная основа, ее научные положения. Центральной специфической частью содержания криминалистической тактики является разработка путей рационального использования результатов проявления этих закономерностей при собирании, исследовании и оценке доказательств. Для краткости назовем их тактическими путями (элементами). Представляется очевидным, что разработка тактических путей зависит, в первую очередь, от принадлежности закономерностей возникновения и сохранения информации к одной из описанных выше групп. Принципиальная разница между ними заключается в том, что при проявлении закономерностей группы А отсутствуют основания предполагать в искажении получаемой информации направленный умысел, ибо отсутствует умышленное противодействие среды, тогда как при использовании результатов проявления закономерностей группы В следует учитывать возможность как умышленного искажения информации, так и ошибочного его восприятия. Указанные различия вызывают необходимость применять при разработке тактических путей результаты проявления тех или иных определенных закономерностей группы В.

Выше, при рассмотрении вопроса о причинно-следственных связях между способами и результатом, мы пришли к выводу, что в тактике условия причинной связи выполняются тогда, когда способы действия состоят в устранении или установлении преград между следователем и объектом, на который направлены эти действия, с целью получения наиболее полной, всесторонней и объективной информации. На наш взгляд, необходимость устранять или устанавливать преграды при получении информации сама по себе предполагает существование ситуаций, обусловленных несовпадением, столкновением и в ряде случаев прямым противоречием интересов лиц, в том или ином качестве причастных к расследованию. В этом аспекте тактику можно рассматривать как специфический способ выражения отношений взаимодействующих объектов в процессе реализации такого рода ситуаций, иными словами, как специфическую систему управления специфическими объектами в специфических условиях⁴.

Изучение содержания криминалистической тактики нельзя считать законченным без рассмотрения вопроса о процессе доказывания, деятельность по которому является областью приложения тактики. По существу этот процесс есть процесс информационный. И. М. Лузгин в структуре доказывания, как в информационном процессе, выделяет несколько уровней и этапов, на каждом из которых преследуется цель – адекватно отобразить действительность, выявить признаки правонарушения, дать им верную юридическую оценку.

Отображение на уровне восприятия единичных явлений, образующих последствия преступления, влечет за собой формирование образных представлений. Последующие этапы информационного познавательного процесса характеризуются постепенным переходом от познания явлений к раскрытию их сущности и объяснению природы связей и происхождения, формированием знаний, получающих выражение в процессуальных актах, а также усилением исследовательского, оценочного момента, с учетом которого развивается поисковая деятельность, выбор ее методов и определение тактики. Завершающим этапом в этом процессе является формирование выводов, в которых должны быть адекватно отображены действительные обстоятельства преступления и констатирована истина [82, 114–115]⁵.

Обозначенные этапы являются фактически не чем иным, как описанием процесса принятия всевозможных решений в деятельности по доказыванию, большая часть которых обусловливается тактикой, преломляется в ней – от планирования и организации производства

⁴ Академик В.А. Трапезников, рассматривая сущность управления как системы, отметил: «Управление – это выбор желательного хода процесса и воздействие на систему (управляемые объекты. – О.Б.), обеспечивающие желательный ход» [113, 39].

⁵ В связи с аспектом изучения поставленной проблемы, мы вынуждены абстрагироваться от некоторых особенностей мышления следователя в ходе доказывания.

неотложных следственных действий до оценки достаточности доказательств для составления обвинительного заключения.

Любое решение – это результат взаимодействия внутреннего состояния субъекта и того окружения, в котором решение принимается. В сознании каждого человека среда и изменение ее элементов отражаются индивидуально (результат отражения среды назовем информационной средой). Назначением тактики и является разработка путей выяснения отличий реальной среды от индивидуальных информационных сред участников процесса и устранения между ними рассогласования в условиях несовпадения интересов между участниками процесса. Очевидно, что решения принимаются в информационной среде, а реализуются в реальной. В этой связи следует отметить, что процесс реализации решений также является в большей степени прерогативой тактики.

§ 2. Тактический прием и криминалистическая рекомендация как внешние формы содержания криминалистической тактики

Выше содержание криминалистической тактики как части науки криминалистики определялось как система, состоящая из двух относительно автономных частей: а) изучение возможности использования закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации; б) разработка допустимых путей использования результатов проявления этих закономерностей на всех уровнях деятельности по доказыванию. Впредь для краткости изложения будем именовать указанные части соответственно: первая часть содержания криминалистической тактики и вторая часть содержания криминалистической тактики.

Рассматривая содержание криминалистической тактики, мы в целях нашей работы на данном этапе абстрагировались от вопроса о формах этого содержания. Как известно, не существует содержания без формы и «форма лишена всякой ценности, – писал К. Маркс, – если она не есть форма содержания» [2, 159]. Изучение вопроса о формах существования содержания криминалистической тактики и необходимо начать с характеристики формы как категории марксистско-ленинской диалектики.

Под формой в диалектическом материализме понимаются способы внутренней организации предмета или явления и способы его существования. Таким образом, здесь отражен объективный характер двойственности формы, в которую может облекаться содержание предмета или явления. С одной стороны, любое содержание имеет внутреннюю форму, под которой понимаются способы внутренней организации предмета или явления [87, 40]. С другой стороны, предмет или явление облекаются во внешнюю форму, выражающую способы их существования. «В такое обобщенное понятие внешней формы, – отмечает Е. В. Дмитриев, – до известной степени вводит и понимание формы как «вида», «разновидности» некоторого предмета или процесса» [54, 49].

Формы содержания многогранны. По одному и тому же содержанию они определяются, как правило, неоднозначно, ибо одно и то же содержание может существовать в различных формах.

Рассмотрим основные внешние формы существования криминалистической тактики в разрезе описанных выше двух ее составных частей. Первая часть может выражаться в формах соотношений между расследуемым событием и способами проявления этапов возникновения и сохранения информации, используемой в деятельности по доказыванию. Кроме того, эта часть тактики может выражаться в несколько иных формах соотношений между событием и действиями и поведением лиц, так или иначе причастных к возникающей от события информации (преступник, следователь, свидетель, потерпевший и т. п.). Данные соотношения облекаются в многообразные внешние формы. Прежде всего они выражаются в виде словесной формулировки того или иного закона или результата его проявления, а также в виде форма-

лизованной их записи, как-то: аналитических формул, схем, таблиц, графиков и т. д.⁶. Элементарными примерами такого вида формализованных записей могут служить аналитические формулы расчетов скорости автомашины, дактилоскопическая формула и т. п.

Внешними формами содержания второй части тактики являются допустимые и реально возможные пути использования результатов проявления описанных закономерностей в деятельности по доказыванию. Указанные пути использования результатов проявления закономерностей выражаются в виде тактических приемов и криминалистических рекомендаций по их применению в рамках следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, что служит основанием рассматривать тактический прием и криминалистическую рекомендацию как специфические внешние формы содержания второй части криминалистической тактики. Для обоснования этого положения необходимо подробно остановиться на рассмотрении понятий тактического приема и криминалистической рекомендации, а также исследовать природу и механизм формирования тактического приема.

Р. С. Белкин определяет криминалистический прием как «наиболее рациональный и эффективный способ действий или наиболее целесообразную линию поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений» [23, 74]. А. Н. Васильев также считает, что «тактические приемы следственных действий – это наиболее целесообразный подход к практической организации и активному, планомерному, целеустремленному производству следственного действия на основе норм уголовного процесса с возможным использованием средств криминалистической тактики» [33, 11–12]⁷. С. П. Митричев под криминалистическим приемом понимает «законное и наиболее целесообразное в данных условиях действие или поведение лица, производящего расследование, обеспечивающее достижение эффективных результатов при проведении того или иного процессуального действия» [90, 9].

Соглашаясь в целом с приведенными определениями, мы под тактико-криминалистическим приемом понимаем оптимальный, законный, нравственно допустимый способ действий или линию поведения лица, производящего доказывание, в конкретно сложившейся следственной или судебной ситуации. В нем выражается рациональный, допустимый и возможный путь получения, сохранения, переработки и оценки информации, циркулирующей в процессе следствия. Следовательно, при его формировании должны использоваться результаты появления закономерностей действий и поведения следователя (группа С по нашей классификации) с учетом появления определенных закономерностей возникновения и сохранения информации (группы А и В или их совокупности).

Рассмотрим природу и механизм формирования тактического приема. Природа тактического приема и рекомендации как внешних форм тактики – весьма сложное явление. В связи с этим целесообразно проанализировать логику умозаключений, предшествующих и сопутствующих основным этапам принятия решений при выборе того или иного приема (рекомендации)⁸. Это даст возможность выделить основные наиболее типичные этапы процесса формирования тактического приема и формализовать их в определенных границах. Такое исследование

⁶ Несомненно, существуют и иные внешние формы этой части содержания тактики: формула алгебры высказываний, оперативная схема алгоритма, программа ЭВМ на одном из алгоритмических языков и т. п.

⁷ В более поздней своей работе А. Н. Васильев определил тактический прием как рекомендацию для правильного (разрядка наша. – О. Б.) применения логических методов познания, формирования психологии отношений следователя с участниками следственных действий, организации планомерного расследования преступления в целях успешного собирания доказательств в рамках уголовно-процессуальных норм [39, 33]. Представляется, что тактический прием должен быть не только правильным (что не вызывает сомнений), но и, главное, наиболее рациональным, оптимальным способом собирания, исследования и оценки доказательств.

⁸ Ю. О. Любович, например, в принятии решения выделил логический процесс умозаключения (проявление разума, рассудка), психологический акт (проявление воли), а также вопросы компетенции и властных правомочий [84, 4–5]. Мы же, как отмечено, останавливаемся лишь на анализе логического процесса умозаключений.

поможет глубже понять механизм формирования самих тактических приемов и в соответствии с законами диалектики даст возможность тщательно изучить их природу. Познание природы тактических приемов и механизма их формирования может быть формализовано в процессах получения и использования следователем информации о расследуемом событии или обстоятельстве. Очевидно, что для этого потребуется использование специально предназначенного для отображения различного рода взаимодействий (в том числе и рефлексивных) логического аппарата, обладающего необходимой общностью⁹.

С учетом указанных замечаний проанализируем природу тактических приемов и механизм их формирования на конкретном примере из следственной практики.

Константинов и Дубов были изобличены и признали себя виновными в том, что они, пригласив к себе в дом переночевать ранее незнакомого им З., находившегося в нетрезвом состоянии, ночью из корыстных побуждений совершили умышленное его убийство. На одном из допросов Константинов сообщил, что ранее, около года тому назад, он и Дубов при аналогичных обстоятельствах совершили еще одно убийство. Потерпевшим, пояснил он, был также не знакомый им пьяный мужчина, назвавший себя «Петр». Труп они зарыли во дворе своего дома. Константинов составил схему двора, отметив на ней место захоронения трупа. Допрошенный Дубов подтвердил показания Константинова о совершении ими убийства в названное Константиновым время, но заявил, что потерпевший назвал себя «Миша». На схеме двора Дубов обозначил место захоронения этого мужчины, совершенно отличное от того, где по показаниям Константинова они захоронили труп «Петра».

Противоречия в показаниях обвиняемых обусловили выдвижение нескольких версий, из которых мы остановимся на анализе двух, представлявшихся наиболее обоснованными: 1) Константинов и Дубов говорят о совершении одного и того же преступления, но непреднамеренно (или умышленно) искажают (оба или один из них) имя потерпевшего и место захоронения трупа; 2) Константинов и Дубов рассказывают не об одном и том же преступлении, а о двух совершенных ими убийствах (Дубов, говоря об убийстве «Миши», полагает, что именно об этом преступлении известно следователю). Данная версия основывалась на учете проявления закономерностей группы В, охватывающей, согласно нашей классификации, закономерности взаимодействия элементов среды, с одной стороны, и сознания субъектов, воспринимающих эти элементы и их изменения, с другой. В частности, способность субъекта правильно воспринимать события, изменения обстановки, сохранять информацию о них в виде «записанной» в своей памяти системы сигналов и объективно воспроизводить ее. Таким образом, выдвижению этой версии предшествовало следующее рассуждение: поскольку (Константинов и Дубов по своим психофизиологическим качествам обладают свойствами правильного восприятия событий, сохранения информации о них в памяти и объективного ее воспроизводства, так как обвиняемые называют различные имена потерпевших и различные места захоронения трупа, то, вероятно, они рассказывают не об одном и том же преступлении, а о разных.

Для проверки выдвинутых версий следовало выработать рациональный тактический прием, который позволил бы закрепить, исследовать и оценить показания Константинова и Дубова о совершении убийства, о котором рассказывал каждый из них, и собрать новые доказательства совершения ими преступлений. Естественно, что одним из веских таких доказательств явилось бы обнаружение останков трупов потерпевших. В процессе определения искомого тактического, приема представляется необходимым соотнести отражаемую в сознании следователя реальную обстановку со следственной информацией о внесенных в нее изменениях, связанных с совершением и сокрытием преступлений. Под реальной обстановкой в этом смысле мы понимаем предметы, явления, отношения до внесения в них целенаправленных

⁹ Попытка использования символической записи при изучении природы и механизма формирования тактического приема предпринята нами в одной из предыдущих работ [20].

изменений, связанных с совершением и сокрытием преступления. Реальная обстановка отражается в сознании следователя на основании доказательственной и ориентирующей информации (условно объединим эти виды информации понятием «следственная информация»), которой он располагает относительно расследуемого события или обстоятельства.

Формированию тактических приемов, направленных на проверку выдвинутых версий, предшествовали следующие логические рассуждения. 1. Если Константинов и Дубов совершили названные ими преступления и трупы были захоронены, то останки трупов должны находиться в месте их захоронения. Это рассуждение является выражением результата проявления одной из закономерностей класса А, отражающей объективно существующие связи между элементами среды. 2. В силу существования закономерностей класса В, описывающих взаимодействия элементов среды, с одной стороны, и сознания субъектов, воспринимающих изменения этих элементов, с другой, Константинов и Дубов, совершив названные ими преступления, могут указать места захоронения трупов, ибо они (обвиняемые) являются носителями системы информационных сигналов, приобретенных при совершении преступления и сокрытии его следов, которая «записана» в их памяти.

Таким образом, при соотнесении отражения следователем реальной обстановки со следственной информацией, касающейся внесенных в нее изменений при совершении и сокрытии преступлений, выявлены закономерности, которые возможно и необходимо использовать при разработке тактических приемов. Естественно, что результаты проявления выявленных закономерностей могут быть использованы лишь в рамках следственных действий, предусмотренных УПК. В рассмотренном примере ограничимся двумя возможными следственными действиями:

1 – производство осмотра места происшествий в соответствии с обозначениями мест захоронения трупов на схемах, составленных обвиняемыми. Неоптимальность данного тактического приема, заключающегося в выборе этого следственного действия, очевидна и объясняется тем, что при его формировании не в полной мере использованы возможности проявления выявленной закономерности класса В;

2 – производство осмотра места происшествия с участием обвиняемых – отдельно с каждым. Здесь возможно наиболее полное использование результатов проявления обеих выявленных закономерностей, и потому указанный тактический прием является наиболее рациональным в данной ситуации.

Далее необходимо определить последовательность проведения намеченных следственных действий, для чего проанализируем следственные ситуации, возможные в пределах проведения осмотра места происшествия с участием каждого обвиняемого. С информационной точки зрения возможные следственные ситуации складываются следующим образом: каждый из обвиняемых обладает информацией относительно сообщенного им преступления и желает ее передать; в то же время оба они, вероятно, обладают большей информацией, но желают ее скрыть. Условно обозначим эти ситуации № 1 и № 2 соответственно.

Рефлексивные рассуждения следователя при анализе перечисленных ситуаций, возникновение которых возможно при производстве намеченного следственного действия, выглядели следующим образом.

– С учетом ситуации № 1 последовательность проведения осмотра места происшествия с участием обвиняемого безразлична. Предположим, что осмотр места происшествия с первым обвиняемым дал положительный результат, то есть, что останки потерпевшего, об убийстве которого говорил этот обвиняемый, обнаружены. Тогда при производстве такого же следственного действия со вторым обвиняемым последний, прибыв на место происшествия, увидит раскопанное место захоронения трупа того потерпевшего, об убийстве которого он не сообщил, и весьма вероятно, что его последующие действия и поведение будут обуславливаться естественно возникающей тогда ситуацией № 2. В этой связи, видимо, необходимо сформировать

у второго обвиняемого ошибочное представление об обстоятельствах, действительное знание о которых могло бы привести к нежелательным для следователя решениям и действиям [см. 109, 194–196].

Таким образом, задачей формирующегося тактического приема является установление преграды для возможного сокрытия информации вторым обвиняемым. В нашем случае естественным и единственным путем разрешения данного конфликта представляется сохранение, а точнее, поскольку это невозможно¹⁰, реконструкция ситуации № 1 и для второго обвиняемого.

Практической реализацией данного решения явится восстановление после осмотра места происшествия с первым обвиняемым той обстановки, которая существовала до производства этого следственного действия, что вызывает необходимость тщательно скрыть следы раскопки места захоронения трупа, на которое укажет первый из обвиняемых. На практике применение описанных тактических приемов дало положительный эффект: останки обоих трупов были обнаружены, после чего каждый из обвиняемых был изобличен и признался в совершении и того убийства, которое он ранее пытался скрыть.

Итак, мы рассмотрели природу тактических приемов и выделили основные этапы их формирования, что позволяет нам сделать следующие выводы.

В процессе формирования тактических приемов, как правило, необходимо: выявить закономерности, проявляющиеся в имеющейся исходной информации, и произвести анализ и синтез результатов их проявления; соотнести следственную информацию о расследуемом обстоятельстве с реальной обстановкой; на основании этого выделить как можно полнее совокупность закономерностей, результаты проявления которых возможно и допустимо использовать при расследовании; выбрать из предусмотренных УПК следственных действий то (или те), в котором наиболее полно возможно использовать результаты проявления выявленных закономерностей; проанализировать различные возможные ситуации и найти способы установления преград сокрытию или искажению информации путем создания, сохранения или реконструкции ситуации, в которой лицо, обладающее информацией, желает или вынуждено ее объективно передать.

Как уже отмечалось, криминалистической и следственно-судебной практикой выработаны многочисленные тактические приемы, направленные на оптимизацию условий и порядка деятельности по доказыванию с целью рационального получения, переработки и оценки информации. Применительно к тем или иным аспектам этой деятельности, ее стадиям существует, как правило, не один конкретный тактический прием, а некоторая совокупность таковых. Это дает возможность маневрировать ими для достижения поставленной цели в конкретно сложившейся следственной или судебной ситуации. Разработанный криминалистикой и апробированный практикой совет, касающийся выбора и применения тактических приемов в определенных судебно-следственных ситуациях, является криминалистической рекомендацией. В криминалистической литературе термины «прием» и «рекомендация» иногда употребляются как синонимы [38, 44–46]. Это неверно. Термин «прием», как известно, обозначает способ действия, «рекомендация» – совет [115, т. 3]. Совет может быть лишь относительно чего-то, в том числе и относительно способов действия, то есть приемов. Представляется очевидным, что совет может быть дан лишь при наличии многозначности в возможных и допустимых способах действий. Если такой альтернативы нет, можно говорить о существовании единственного способа действий в определенной ситуации. При многогранности следственной деятельности и бесчисленном множестве вариаций различных ситуаций, возникающих в следственной практике, тактика и разрабатывает советы о возможных и допустимых приемах – криминалистические рекомендации.

¹⁰ Пример из практики автора. В дальнейшем примеры из дел, расследованных автором, приводятся без ссылок.

Таким образом, в тактическом приеме и криминалистической рекомендации оптимальным образом выражаются рациональные, возможные и допустимые пути использования результатов проявления закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации на всех уровнях деятельности по доказыванию. Тем самым тактические приемы и рекомендации, специфическим образом составляют части содержания криминалистической тактики. Понятие же формы как категории диалектики, как отмечалось ранее, употребляется и в смысле частей, видов одного и того же содержания [58, 75–76]. Это подтверждает наш тезис о тактическом приеме и криминалистической рекомендации как внешних формах существования криминалистической тактики.

§ 3. Нормы уголовно-процессуального закона как внешняя форма содержания криминалистической тактики

Наиболее эффективные криминалистические приемы и рекомендации, будучи апробированы судебно-следственной практикой, в ряде случаев закрепляются в законодательном порядке, включаются в той или иной форме в нормы уголовно-процессуального закона. Касаясь этого (вопроса, мы вплотную подходим к одной из самых дискуссионных проблем в юридической литературе: сохраняется ли при процессуальном закреплении тактических приемов и рекомендаций их криминалистическая сущность? Как в таком случае соотносятся процессуальная форма и криминалистическое содержание?

По данному вопросу существуют две противоположные точки зрения. Сторонники одной из них (А. Н. Васильев, С. П. Митричев, В. Е. Коновалова, А. Сыров, М. Л. Якуб) полагают, что в уголовно-процессуальном законе, в его нормах, совершенно не содержится тактико-криминалистических рекомендаций. Последовательно развивая этот тезис, авторы приходят к мнению, что криминалистический прием, получив законодательное закрепление, превращается в обязательную норму и как таковой теряет присущий ему тактический характер. Так, В. Е. Коновалова считает, что «восприятие уголовно-процессуальным законом отдельных тактических рекомендаций, как наиболее эффективных при расследовании, превратило их в обязательные нормы» [67, 16]. К такому же выводу приходит и М. Л. Якуб, полагая, что «если законодатель возводит ту или иную тактическую рекомендацию в норму закона, то она приобретает новое качество – качество процессуальной нормы и утрачивает свойства тактической рекомендации» [144, 167].

В более категорической форме эта же мысль выражена А. Н. Васильевым: «Всякое правило, содержащееся в процессуальной форме, есть закон и никаких тактических правил в процессуальных нормах не содержится» [33, 29]. В другой своей работе А. Н. Васильев указывает, что «если исходить из наличия в той или иной норме уголовно-процессуального закона тактического смысла в общем значении этого слова, то едва ли не все нормы или во всяком случае большинство должны будут из науки уголовного процесса перейти в криминалистику» [39, 39].

Здесь автор, по нашему мнению, допускает очевидную ошибку. Нормы уголовного процесса не переходят и не могут переходить из уголовного процесса в криминалистику. Закон есть закон. Но нормы уголовно-процессуального закона, как отмечалось в юридической литературе, могут, и, на наш взгляд, несомненно, должны изучаться как наукой уголовного процесса, так и наукой криминалистикой. Кстати, следует отметить, что А. Н. Васильев, считая, что тактических правил в уголовно-процессуальном законе нет, тем не менее, обсуждает отдельные нормы уголовно-процессуального закона с точки зрения заложенных в них тактических рекомендаций. Так, в частности, рассматривая возможность прерывать свободный рассказ допрашиваемого в случае явной ложности его показаний, А. Н. Васильев указывает, что свободный рассказ допрашиваемого в соответствии со ст. 150, 158, 280, 283 УПК прерывать нельзя [39, 122]. Однако далее он тут же дает рекомендацию, носящую явно тактический харак-

тер: «свободный рассказ целесообразно прерывать с точки зрения следственной тактики лишь в тех случаях, когда допрашиваемый сразу же поймет, что лгать бесполезно» [39, 122].

Изложенная выше позиция была подвергнута убедительной и обоснованной, на наш взгляд, критике сторонниками второй точки зрения (Р. С. Белкин, М. П. Шаламов), которые считают, что тактический прием, ставший нормой закона, не утрачивает своего криминалистического содержания [24, 91–92; 135, 27–28].

Если придерживаться первой точки зрения, то как расценивать содержание одних и тех же криминалистических рекомендаций, которые в одних союзных республиках нашли закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве, а в других – нет? Так например, ст. 86 УПК Литовской ССР устанавливает обязательность экспертизы по делам о подделке денежных знаков и ценных бумаг. В уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик такое требование отсутствует. Как же расценивать содержание данного приема? По мнению сторонников этой точки зрения – по признаку территориальности. В Литве такой прием не имеет тактического содержания, а в РСФСР и в других союзных республиках – имеет. Образно говоря, следуя из Москвы в Вильнюс, мы по пути утрачиваем тактическое содержание указанного приема.

Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства союзных республик свидетельствует о том, что приведенный пример не единичен. Так, например, ст. 52 УПК Латвийской ССР, ст. 60 УПК Молдавской ССР, ст. 67 УПК Азербайджанской ССР, ст. 68 УПК Украинской ССР, ст. 53 УПК Узбекской ССР, ст. 49 УПК Казахской ССР, ст. 60 УПК Армянской ССР, ст. 65 УПК Туркменской ССР императивно закрепляют такой тактический прием: «если показания свидетеля основаны на сообщениях других лиц, эти лица также должны быть допрошены». В УПК РСФСР и других союзных республик такого требования не содержится, однако оно несомненно должно выполняться; его невыполнение расценивается как неполнота следствия, ведущая в определенных ситуациях к возвращению судами дел на дополнительное расследование. УПК Латвийской (ст. 152) и Эстонской ССР (ст. 126) содержит требования тактического характера об обязательном присутствии педагога при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. В уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик такое требование не закреплено и решение вопроса об участии педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого представляется на усмотрение следователя (кроме случаев, когда об участии педагога в допросе несовершеннолетнего ходатайствует его защитник – ст. 397 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальное законодательство ряда союзных республик содержит требование об обязанности проведения экспертизы для установления половой зрелости потерпевших по делам о половых преступлениях (ст. 68 УПК Армянской ССР, ст. 67 УПК Узбекской ССР, ст. 76 УПК Украинской ССР, ст. 75 УПК Белорусской ССР). В уголовно-процессуальном законодательстве других союзных республик этот тактический прием не включен в нормы УПК. В отличие от уголовно-процессуального законодательства всех других союзных республик, ст. 73 УПК Азербайджанской ССР императивно закрепляет такой прием, как обязательность экспертизы для проверки оспариваемых обвиняемым документов ревизии, проведенной без его участия. Статья 79 УПК Украинской ССР, ст. 59 УПК Казахской ССР, регламентирующих порядок хранения вещественных доказательств, в отличие от уголовно-процессуального законодательства остальных союзных республик, не включили в себя такой тактический прием, как обязательность фотографирования предметов, признающихся вещественными доказательствами, которые в силу своей громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле. Тем не менее представляется несомненным, что невыполнение этого тактического приема, независимо от его процессуального закрепления, в конкретных ситуациях чревато серьезными последствиями и в ряде случаев может привести к невосполнимым пробелам в

следствии. Различно в уголовно-процессуальном законодательстве союзных, республик решен вопрос о закреплении и некоторых других тактических приемов и рекомендаций,

Более детальное рассмотрение вопроса о соотношении тактического содержания и процессуальной формы его закрепления вызывает необходимость определения сущности правовой нормы вообще. В литературе по данному вопросу нет единого мнения. А так как подробное освещение и анализ различных точек зрения о сущности правовой нормы выходят за рамки настоящей работы, мы ограничимся в этом плане лишь указанием на то, что наиболее точным и достаточно общим нам представляется мнение Г. Кленнера о том, что правовые нормы и право в целом можно охарактеризовать как «предвосхищающее моделирование общественных процессов» [цит. по: 93, 81; см. также 110, 98].

Отсюда следует, что правовую норму, регламентирующую порядок производства того или иного следственного действия, можно представить как модель структуры ситуаций, связанных с возникновением и сохранением информации, рационально учитывающую гарантии объективности условий для естественного проявления закономерностей, лежащих в основе следственного действия, порядок производства которого она регламентирует. С этих позиций порядок производства следственных действий, предусмотренных УПК, можно рассматривать как закрепленную в уголовно-процессуальном законе систему приемов, задачей которых является рациональное обеспечение объективности и полноты производства данного следственного действия и обеспечение процессуальных прав и гарантий лиц, в нем участвующих.

В подтверждение выдвинутых нами положений рассмотрим уголовно-процессуальную норму, регламентирующую порядок производства осмотра (ст. 179 УПК)¹¹. Изучение этой нормы позволяет выделить следующие закрепленные в ней тактические элементы:

- следователь вправе привлечь к участию в осмотре обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля;
- в необходимых случаях для участия в производстве осмотра следователь может пригласить соответствующего специалиста;
- в необходимых случаях следователь производит при осмотре измерения, фотографирование, киносъемку, составляет планы и схемы, изготавливает слепки и оттиски следов;
- осмотр предметов и документов, обнаруженных при осмотре места происшествия, местности, помещения, следователь производит на месте производства следственного действия;
- в необходимых случаях изымаемые предметы упаковываются и опечатываются.

Очевидно, что данные приемы учитывают результаты проявления как закономерностей, описывающих объективно существующие связи между элементами среды, так и закономерностей взаимодействия элементов среды, с одной стороны, и сознания субъектов, воспринимающих изменения этих элементов, с другой стороны. При этом следственным действиям определенные изменения среды воспринимаются следователем непосредственно, и в этой связи его деятельность и поведение обуславливаются объективно существующими закономерностями класса С по нашей классификации, выявленными на данном этапе развития общества и Познания и три меняемыми в деятельности по доказыванию при собирании фиксации и переработке информации.

Выше мы подробно исследовали природу и механизм формирования такого тактического приема, как производство осмотра с участием обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля) и пришли к выводу, что он является, как правило, весьма (а во многих случаях и оптимально) рациональным, ибо наиболее полно, в рамках данного следственного действия отражает и использует результаты проявления закономерностей классов А, В и С. В этой связи

¹¹ Здесь и в дальнейшем при ссылках на статьи УПК мы будем иметь в виду УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик, если не оговорено иное.

мы полностью присоединяемся к мнению Г. Н. Александрова о том, что, когда обвиняемый или подозреваемый (а также, как нам представляется, и потерпевший, и свидетель. – О. Б.) указывают в своих показаниях место сокрытия следов и орудий преступления и других вещественных доказательств, использование такого тактического приема, как участие этого лица в осмотре, является обязательным [152, 236].

Возможность привлечения к участию в осмотре того или иного специалиста учитывает результаты проявления такой закономерности, как то, что в ряде случаев восприятие, изучение на месте осмотра, описание и фиксация отдельных предметов или обстоятельств требуют специальной подготовки в той или иной специфической области знания или техники, которой, как правило, следователь не располагает. Более того, сложность, специфичность и особая значимость объективного восприятия изменений среды и их фиксации при осмотре, связанном с обнаружением трупа, повлекло законодательное императивное закрепление тактического приема о производстве такого осмотра с участием врача-специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия – иного врача (ст. 180 УПК).

Производство при осмотрах измерений, фотографирования, киносъемки, составление планов и схем, изготовление слепков и оттисков следов, необходимость производства осмотра обнаруженных предметов и документов непосредственно в ходе данного следственного действия на месте его производства, также как и необходимость упаковки и опечатывания изымаемых предметов, учитывают результаты проявления объективно существующих закономерностей между имеющимися или возможными изменениями среды и способами и временем их фиксации и сохранения в целях дальнейшего исследования и оценки полученной при осмотре информации.

Проведенное исследование других уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок и условия производства прочих следственных действий, предусмотренных УПК, подтверждает наше предположение о том, что составные элементы таковых уголовно-процессуальных норм оптимально учитывают результаты проявления закономерностей отдельных классов (или их комбинаций), выявленных различными науками, обобщенными криминалистикой, использование которых возможно и допустимо в рамках определенных следственных действий. Отсюда вытекает, что каждый из элементов, составляющих уголовно-процессуальные нормы, которые регламентируют деятельность по доказыванию как до их процессуального закрепления, так и после него, построен на учете результатов проявления определенных, но одних и тех же закономерностей, что практически полностью обуславливает их содержание. Следовательно, процессуальное закрепление тактических приемов ни в какой степени не затрагивает их содержательной стороны.

Как же это согласуется с утверждением сторонников первой точки зрения, что после процессуального закрепления криминалистический прием приобретает новое, ранее ему не присущее качество, а именно обязательность?¹² На первый взгляд кажется, что в этом случае мы получаем новое содержание. Однако это не совсем так. Проблема соотношения уголовно-процессуального закона и криминалистического содержания в рассматриваемом аспекте свободы применения тактических рекомендаций и необходимости исполнения норм закона, очевидно, гносеологически с точки зрения марксистско-ленинской философии подлежит рассматривать не только как частный случай соотношения таких парных категорий диалектики, как форма и

¹² Отметим, что сторонники этой точки зрения считают, что тактические приемы не только не обладают обязательностью, но и не могут обладать таковой. «Тактический прием не обязателен к исполнению, – пишет, например, А. Н. Васильев, – это рекомендация» [33, 27]. Такого же мнения придерживается и С. П. Митричев, указывая, что «тактические рекомендации – это не нормы закона, они используются следователем по его усмотрению» [89, 38]. Позднее А. Н. Васильев несколько изменил свою позицию в данном вопросе, признав наличие тактической стороны в нормах закона, устанавливающих альтернативу в условиях проведения того или иного следственного действия. «Норма уголовно-процессуального закона, – писал он, – позволяющая следователю принять то или иное решение, может иметь тактическую сторону в том, чтобы выбрать правильное решение и способы его осуществления...» [36, 9].

содержание, но и таких, как свобода и необходимость. Исчерпывающий ответ о соотношении свободы и необходимости как философских категорий дан Ф. Энгельсом. «Не в воображаемой независимости от законов природы, – указывал он, – заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека... Свобода воли означает, Следовательно, не что (иное, как способность принимать решения со знанием дела» [6, 116].

Обязательность в нашем случае, отмечает Р. С. Белкин, «есть выражение оценки тактического приема законодателем как наиболее эффективного средства расследования в данном случае... Свободный выбор есть осознанно необходимый выбор, а законодательная (регламентация тактического приема и есть осознанно необходимый выбор данного приема во всех случаях при данной ситуации» [23, 81–82].

Императивно закрепленный в уголовно-процессуальном законе тактический прием носит алгоритмический характер. Он обладает свойством детерминированности (или однозначной определенности), в результате чего однозначно определяет действия следователя при производстве того (следственного действия, порядок производства которого регламентирует данная процессуальная норма. Выполняя алгоритмическое предписание, следователь знает точно и определенно, что надо ему делать, и никакой (неопределенности в этом плане относительно способа действия у него нет [74, 81]. Однако алгоритмичность не является прерогативой лишь такого тактического приема, который уже нашел себе законодательное закрепление. Наиболее эффективные тактические приемы еще до своего процессуального закрепления обладают этим качеством в силу того, что в определенных ситуациях они являются единственными возможными способами получения и исследования следственной информации. М. М. Гродзинский в этой связи писал: «Некоторые выработанные советской криминалистикой и проверенные многолетней практикой тактические приемы являются бесспорными и важными, служат одним из условий соответствующих процессуальных действий и несоблюдение их лишает эти процессуальные действия доказательственного значения» [53, 10].

Следует также отметить, что закрепление в уголовно-процессуальном законе криминалистических рекомендаций не всегда носит императивный характер, то есть не всегда в этих случаях тактическое содержание непременно приобретает свойство обязательности. Часть тактических рекомендаций закреплена в законе альтернативно, что позволяет маневрировать ими (в соответствии с конкретной следственной или судебной ситуацией. Такое закрепление обладает некоторой степенью неопределенности, в результате чего в зависимости от конкретных ситуаций, действуя в рамках одной и той же нормы, следователь может выполнять разные действия. Такие неалгоритмические предписания не полностью управляют действиями следователя, требуя от него самостоятельности в выборе тактического приема (возможность применения которого указана в норме) и творческого подхода к проведению следственного действия [74, 81]. В частности, можно указать на ст. 159 УПК, представляющую следователю возможность по своему усмотрению допрашивать свидетелей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет с участием педагога, ст. 162 УПК, дающую следователю право на проведение очной ставки между ранее допрошенными лицами, и т. п.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательное закрепление отдельных тактических приемов и рекомендаций, не изменяя их содержания (способа рационального использования тех или иных закономерностей при доказывании), дает нам новую, процессуальную форму криминалистической тактики.

Таким образом, формами содержания криминалистической тактики являются:

1. Тактико-криминалистические приемы и рекомендации, не имеющие процессуального закрепления. Их можно условно определить как инициативные. Пока такой прием не закреп-

лен процессуально, он проводится в рамках следственного действия, наиболее приближающегося к нему по задачам и процессуальному обоснованию. В результате апробирования эффективности этого приема он оптимизирует форму и содержание того следственного действия, в рамках которого существует. Это диалектически влечет за собой изменение процессуальной формы данного следственного действия, приспособляющее его к включению в себя криминалистического приема или рекомендации, или создание и процессуальную регламентацию самостоятельного следственного действия.

2. Императивные процессуально-тактические приемы. Следует отметить, что таковые могут носить как повелевающий, так и запрещающий характер (например, обязанность следователя предложить опознаваемому занять любое место среди лиц, предъявляемых на опознание, запрещение задавать наводящие вопросы и т. д.).

3. Альтернативные процессуально-тактические приемы и рекомендации. К ним мы относим те, обязательность использования которых закреплена в законе неоднозначно: возможность допрашивать свидетеля в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет с участием педагога и т. п.

§ 4. Влияние криминалистической тактики на изменение уголовно-процессуального закона

С позиций марксистско-ленинской философии правовой закон понимается как внешняя форма существования права [61, 134–135; 141, 115; 64, 226]. Как и любая форма, правовой закон одновременно является внешней формой для заключения в нем содержания и в то же время сам является содержательным¹³. «Форма в праве – не нечто внешнее по отношению к содержанию, это структура нормы права и структура права как законченной совокупности (системы) норм» [85, 379–380]. Исходя из этого, уголовно-процессуальный закон следует понимать не только как внешнюю форму существования уголовно-процессуального права, но и как законченное содержательное целое. Таким содержательным структурным целым в данном случае является совокупность установленных или санкционированных законом правил поведения субъектов (прав и обязанностей) при осуществлении судопроизводства [51, 20; 121, т. 1, 51; 134, 24, 141, 105].

Выше мы рассматривали вопрос о содержании и формах криминалистической тактики и пришли к выводу о том, что процессуальное закрепление отдельных тактических приемов и рекомендаций в целом, не изменяя их содержания, облекает их в специфическую, процессуальную форму. Логически возникает вопрос о противоположном влиянии этого процесса, то есть о том, как влияет процессуальное закрепление тактических приемов и рекомендаций на уголовно-процессуальный закон. Как отмечено, уголовно-процессуальный закон является структурным целым. Под структурой в философской и специально-отраслевой литературе понимается принцип, способ, закон связи элементов целого, система отношений элементов в рамках данного целого [112, 135; 58, 44]. Очевидно, что включение в систему новых элементов, формализованных в соответствии с ее структурными требованиями, уже приспособленных для включения в нее (а именно в таком виде выступают тактические приемы при их процессуальном закреплении), качественно не изменяют структурный характер этой системы. Это позволяет прийти к выводу о том, что включение в уголовно-процессуальный закон отдельных криминалистических рекомендаций не изменяет самой структуры закона. В то же время процессуальное закрепление тактических приемов и рекомендаций, естественно, в определенной

¹³ Гегель писал «...Содержание небесформенно, а форма одновременно и содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему» [44, 298]. В философской литературе такая особенность отношения формы к содержанию обозначается как удвоение формы.

степени изменяет содержание уголовно-процессуального закона за счет установления некоторых правил по ведению при осуществлении судопроизводства, ранее в такой (процессуальной) форме не существовавших.

Изучение изменений уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что уголовно-процессуальный закон развивается в основном в направлении расширения прав участников процессуальной деятельности, а также в направлении включения в себя отдельных криминалистических рекомендаций и тактических приемов. Основной формой развития содержания уголовно-процессуального закона при включении в него отдельных тактических приемов и рекомендаций является трансформация существующих в нем уголовно-процессуальных норм. Примерами такой трансформации может служить законодательное закрепление в рамках существующих правовых норм возможности использования некоторых не предусмотренных ранее законом средств фиксации (киносъёмка, фотографирование), возможности привлечения специалиста к участию в производстве отдельных следственных действий и т. д... Другой формой процессуального закрепления криминалистических рекомендаций является включение в уголовно-процессуальный закон новых правовых норм, закрепляющих отдельные тактические приемы или рекомендации в качестве самостоятельного следственного действия и, соответственно, регламентирующих условия и порядок его производства, а также норм, устанавливающих правомерность и порядок применения некоторых тактических приемов, которые могут быть использованы при производстве ряда ранее регламентированных следственных действий [145, 64]. Примерами таких форм содержательного развития уголовно-процессуального закона могут явиться следующие правовые нормы: ст. 183 УПК, закрепившая существование такого следственного действия, как следственный эксперимент (его не знало ранее действующее уголовно-процессуальное законодательство), и определившая условия и порядок его производства; ст. 141 УПК, установившая правомерность и порядок применения звукозаписи при допросах обвиняемого, свидетеля, потерпевшего (порядок производства которых уголовно-процессуальным законом регламентируется относительно процессуального положения каждого из них) и т. п.

Известно, что в развитии явлений содержанию принадлежит ведущая роль. Содержание – динамично, явление находится в постоянном движении и развитии. Форма же явления более устойчива, чем содержание, которое она облекает. Не всегда и далеко не всякое изменение каких-либо свойств (если даже это изменение затрагивает содержательную сторону данного явления) влечет за собой изменение его формы. «Новое содержание не всегда требует новой формы. Оно может использовать и старую форму, приспособив ее к своим потребностям. Среди старых форм есть такие, которые в изменившихся условиях еще могут служить новому содержанию» [68, 233].

Облечение содержания в новую форму представляет некоторую перестройку определенных связей внутри явления и наделяет это содержание некоторыми другими свойствами или влечет за собой явное проявление отдельных ранее существовавших в явлении свойств [138, 49]. В частности, выражаясь в процессуальной форме, закрепляемая часть тактики более четко проявляет ранее присущее ей, как правило, свойство обязательности. Перестройка связей внутри любого явления, в том числе и внутри тактики, является процессом, развертывающимся во времени, и потому изменения форм тактики запаздывают относительно изменения ее содержательной стороны. Многие следственные действия и криминалистические приемы были вначале созданы, по выражению гг. Зуйкова, «творчеством следователя» [60, 13], затем были обобщены криминалистикой, на основе чего разработаны соответствующие рекомендации, и лишь затем многие из них нашли себе законодательное закрепление.

Изучение изменений уголовно-процессуального закона (в той или иной из указанных выше форм), связанных с включением в него тактических приемов и криминалистических рекомендаций, позволило выделить ряд как внутренних, так и внешних факторов, обусловли-

вающих этот процесс. Основным внутренним фактором изменения форм тактики и облечения части ее в процессуальную форму является, на наш взгляд, устойчивое выявление результатов действия тех или иных закономерностей при собирании, исследовании и оценке следственной информации. Очевидно, что зависимость получения эффективных и рациональных результатов при доказывании от определенных способов, направленных на их достижение, выявляется и апробируется многолетней передовой следственной и судебной практикой. Наука криминалистика, обобщая этот опыт, приходит к выводу об устойчивом и закономерном характере данной зависимости в определенных следственных и судебных ситуациях, на основании чего и разрабатывает допустимые тактические пути деятельности по доказыванию. Разработанные тактические приемы часто оказывается возможным применять в рамках существующих процессуальных форм. Иногда же выявляется невозможность оптимального осуществления разработанного тактического пути (элемента) без соответствующего изменения форм тактики, в том числе и процессуальной формы. И в этот момент, в соответствии с диалектическим положением о единстве формы и содержания, происходит изменение формы.

Иллюстрацией выдвинутых положений может служить, например, следующее. Следственная и судебная практика свидетельствовала о том, что постановка наводящих вопросов при допросе, как правило, отрицательно сказывалась на объективности получаемой информации. Криминалистика, используя достижения психологии, обосновала закономерный характер такового отрицательного воздействия данного тактического приема и потому пришла к выводу о недопустимости постановки наводящих вопросов при допросах на следствии и в суде. В УПК 1923 года запрещения задавать при допросах наводящие вопросы не содержалось (ст. 162–168 и др. УПК 1923 г.). Серьезность и содержательная существенность учета выявленной данной закономерности в деятельности по доказыванию не допускали дальнейшего существования указанного тактического элемента в форме криминалистической рекомендации. Возникло диалектическое противоречие между содержанием этого элемента тактики и его формой, которое и было разрешено изменением формы. Как известно, действующий уголовно-процессуальный закон императивно запретил постановку наводящих вопросов при допросе свидетелей и производстве ряда других следственных действий (ст. 158, 165 и др. УПК 1961 г.)

Как представляется, такие же внутренние факторы лежат в основе трансформации и некоторых других норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства отдельных, ранее процессуально закрепленных следственных действий. Так, если УПК 1923 года допускал возможность присутствия следователя при освидетельствовании лица другого пола, сопровождавшееся обнажением освидетельствуемого в «случае, когда это лицо не возражает против такого присутствия» (ст. 191 УПК 1923 г.), то ст. 181 УПК 1961 года однозначно запрещает присутствие следователя при такого рода освидетельствованиях; ст. 163 УПК 1923 года предоставляла следователю возможность проведения очной ставки между свидетелями «в случае надобности», то есть практически не ограничивала пределы допустимости данного тактического приема. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве разработанные криминалистические рекомендации относительно применения данного приема обрели процессуальную форму, в соответствии с которой проведение очной ставки возможно лишь между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия (ст. 162 УПК 1961 г.) и т. л. Это же обусловило необходимость изменения форм таких тактических элементов, как опознание личности и следственный эксперимент. Если ранее они осуществлялись в рамках допроса и следственного осмотра (соответственно), то глубокое выяснение их сущности в результате изучения выявленных закономерностей привели к выводу об их неоднородности и неоднородности с теми следственными действиями, в рамках которых они проводились. Это противоречие между содержанием рассматриваемых тактических элементов и формой их существования также диалектически было разрешено изменением форм. Данные тактические элементы перестали существовать в формах крими-

налистических рекомендаций и приобрели формы отдельных, самостоятельных следственных действий, условия и порядок проведения которых достаточно детально стали регламентироваться уголовно-процессуальным законом (ст. 164–166, 183 УПК 1961 г.).

Кроме внутреннего фактора на развитие форм тактики, несомненно, влияет и ряд внешних факторов, среди которых мы выделяем, как наиболее существенные, следующие.

Общественно-социальные факторы, в основе которых лежит Общественно-социальный прогресс. Под таким прогрессом в данном случае понимается неуклонный интеллектуальный и духовный рост всех членов общества развитого социализма и совершенствование моральных норм, предопределяемых характером общественных отношений. Эти факторы безусловно влияют как на содержание тактики, так и на ее формы. Так, если в соответствии с УПК 1923 года при допросе несовершеннолетнего свидетеля в возрасте до шестнадцати лет обязательно участвовал педагог, то интеллектуальное и общественное развитие предопределило некоторое изменение формы этого тактического элемента. Как известно, в настоящее время участие педагога при допросе свидетеля в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет трансформировано в альтернативно-процессуальную форму (ст. 159 УПК 1961 г.). Совершенствование моральных норм повлекло а собой, например, облечение в императивно-процессуальную форму ряда ограничений допустимости применения отдельных тактических элементов. В частности, можно указать на ст. 183 УПК, установившую, что производство следственного эксперимента допускается при условии, если при этом не унижаются достоинство и честь участвующих в нем лиц и окружающих, не создается опасности для их здоровья их здоровья и т. п.

Другим внешним фактором развития содержания и форм тактики является научно-технический прогресс, в основе которого лежат достижения научно-технической революции во всех областях знания, соответственное развитие технической базы и внедрение их в практику следственной и судебной работы. «...Успехи техники, – писал Ф. Энгельс, – едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же – почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования – вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...» [5, 176]. На эту же закономерность развития тактики указывал В. И Ленин: «...Тактика – отмечал он, – зависит от уровня военной техники, – эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс» [8, 374]. Характерными примерами влияния данного фактора на развитие форм тактики может служить законодательное закрепление (в альтернативно-процессуальной форме) возможности применения таких средств фиксации, как звукозапись и киносъемка, возможности привлечения для участия в производстве отдельных следственных действий специалистов и т. п., ранее существующих лишь в формах криминалистических рекомендаций. Этим же фактором вызвано облечение в форму криминалистических рекомендаций таких ранее неизвестных тактических элементов, как методы сетевого планирования и управления (СПУ) и т. п.¹⁴.

§ 5. Уголовно-процессуальный закон – правовая основа криминалистической тактики

Выше мы рассматривали соотношение уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики с точки зрения влияния изменений форм тактики на развитие уго-

¹⁴ Мы не ставим перед собой задачу полного освещения вопросов теории правотворчества и законодательной техники, ибо это выходит за рамки настоящей работы. Отметим лишь, что сформулированные факторы, которые, на наш взгляд, в основном влияют на развитие уголовно-процессуального закона в части регламентации тактической стороны деятельности по доказыванию, не дают однообразных решений, «которые законодателю остается лишь принять к сведению и облечь юридической формой и силой. Они указывают законодателю направления, критерии, пределы, путем познания которых и в рамках которых он должен сделать выбор и принять решение. Он должен также избрать из нескольких возможных вариантов такие правовые средства, которые сочтет наиболее подходящими для обеспечения проведения этих решений в жизнь» [93,79].

ловно-процессуального закона. Однако уголовно-процессуальный закон, естественно, нельзя понимать лишь как форму содержания тактики. Общеизвестно, что уголовно-процессуальный закон является юридической базой криминалистики, ее правовой основой. В этом качестве уголовно-процессуальный закон представляет для рассмотрения несколько сторон, исследование которых, на наш взгляд, позволит глубже осмыслить его указанное наиболее важное значение для криминалистической тактики в освещаемых в настоящей работе аспектах.

Несомненно, что тактические приемы и криминалистические рекомендации применяются лишь в соответствии с нормами уголовно-процессуального права в рамках уголовно-процессуального закона; закон обуславливает характер и пределы допустимости разработки и применения тактических элементов и определяет оптимальный режим их использования в конкретных условиях [121, т. 1, 102]. Кроме того, результат, получаемый при применении тактических элементов, как правило, подлежит облечению в процессуальную форму соответствующего следственного действия или постановления (или другого процессуального документа) следователя относительно определенных обстоятельств, лежащих в сфере доказывания. Рассматривая эту сторону уголовно-процессуального закона как правовой основы криминалистической тактики, отметим также, что закон не может, да и не должен до малейшей степени регламентировать деятельность по доказыванию. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что законы не должны перегружаться отдельными деталями, а должны содержать внешние, наиболее существенные положения. «Ни один самый совершенный закон, – замечает А. И. Винберг, – не может предусмотреть всего бесконечного разнообразия приемов и средств предупреждения и раскрытия преступлений. Закрепляя в законе лишь основные и наиболее важные тактические правила, относящиеся к порядку проведения отдельных следственных действий, уголовный процесс не может детально регламентировать тактические приемы и методы» [42, 44–45].

Но уголовно-процессуальный закон определяет не только характер и пределы допустимости тактических элементов. Он, как нам кажется, предопределяет способы связи и отношений тактических элементов между собой в системе криминалистической тактики. Например, ст. 123 УПК требует немедленного производства допроса подозреваемого (в случае его задержания или избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу). Это положение, естественно, обуславливает содержание и последовательность применения тактических элементов, связанных с местом и временем задержания подозреваемого, а также во многом предопределяет тактику как его допроса, так и проведения последующих следственных действий. Можно ставить вопрос о допустимости и рациональности отдельных тактических приемов и рекомендаций по их использованию. Однако если предлагаемый тактический элемент влечет при его применении нарушение буквы и духа уголовно-процессуального закона, то он «выпадает» из системы тактики как несоответствующий принципу связи и отношений элементов в этой системе. А как отмечалось ранее, характер, способ взаимосвязи и отношений элементов системы составляет структуру данной системы. Это позволяет рассматривать уголовно-процессуальный закон с исследуемой стороны как принцип, определяющий структуру системы «тактика».

Таким образом, уголовно-процессуальный закон, как правовая основа тактики, с одной стороны, выступает как юридическая база разработки и применения тактических элементов, с другой стороны, является принципом, определяющим структуру тактики. В этом качестве уголовно-процессуальный закон оказывает весьма существенное, если не сказать решающее влияние на существование такой сложной системы, как криминалистическая тактика. Диалектическое единство такого активного и динамического явления, которым является тактика, и уголовно-процессуального закона, как ее правовой основы, и создает единую динамическую систему существования и использования тактики как инструмента для собирания, исследова-

ния и оценки информации три доказывания и как способа управления этими сложными процессами.

Но сам уголовно-процессуальный закон, как отмечалось, в определенной степени подвижен. Он развивается и совершенствуется и в результате изменений форм тактики и облечения части ее в процессуальную форму. И естественно, что отдельные изменения принципа, определяющего структуру тактики (уголовно-процессуального закона) влекут соответственно и изменения в ее содержании и формах.

Заканчивая рассмотрение вопроса о соотношении уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики, необходимо отметить, что признание за уголовно-процессуальным законом значения принципа, определяющего структуру тактики, ни в какой степени не умаляет самостоятельного значения уголовно-процессуального закона как формы уголовно-процессуального права и не находится в противоречии с фактом существования закона как самостоятельной, весьма сложной системы, имеющей особые аспекты исследования в науке уголовного процесса. «Нормы уголовно-процессуального закона, – отмечает Р. С. Белкин, – это не наука криминалистика и не наука уголовного процесса, это закон, который может быть объектом изучения как криминалистики, так и уголовного процесса, причем каждая из этих наук изучает его в своих специальных целях и в своем специальном аспекте» [23, 41–42].

Глава II

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

§ 1. Функциональная структура – внутренняя форма содержания криминалистической тактики

Выше были детально охарактеризованы содержание и внешние формы существования криминалистической тактики. В главе мы рассмотрим одну из внутренних форм содержания криминалистической тактики.

Внутренняя форма – это способ организации предмета или явления. По своей объективной природе она воплощает изменения содержания в данном устойчивом состоянии. Внутренней формой содержания криминалистической тактики, на наш взгляд, являются законы, которые выражают объективно существующие связи между явлениями (объектами и процессами) среды и связи между явлениями среды и сознанием субъектов, воспринимающих эти явления, а также допустимые и реально возможные пути использования результатов проявления закономерностей в деятельности по собиранию, исследованию и оценке доказательств. Эти допустимые и возможные пути реализуются в практической деятельности по доказыванию в процессе судебного исследования притуплений. Напомним, что доказыванию по уголовному делу подлежит «совокупность конкретных фактов, обстоятельств, служащих основанием для применения норм уголовного, гражданского, уголовно-процессуального права при разрешении дел, в также для принятия мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступления» [75, 16].

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, перечислены в уголовно-процессуальном законе. К ним относятся: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого и другие, характеризующие личность обвиняемого, сущность и размер ущерба, причиненного преступлением (ст. 68 УПК); по делам несовершеннолетних, кроме того, возраст (число, месяц, год рождения), условия жизни и воспитания, наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников, данные об умственном развитии обвиняемого (ст. 392 УПК). При совершении преступления лицом в состоянии невменяемости или заболевшего душевной болезнью после его совершения доказыванию также подлежат обстоятельства, указанные в ст. 404 УПК.

Подлежат также установлению и доказыванию обстоятельства, необходимые для решения вопросов, предусмотренных ст. 303 УПК. В соответствии со ст. 343 УПК доказыванию подлежат и обстоятельства, которые могут иметь существенное значение при постановлении приговора. Г. М. Миньковский к числу таких обстоятельств справедливо относит необходимые для оценки достоверности и значения собранных доказательств (характеризующие взаимоотношения свидетеля с участниками процесса, свидетельствующие о нарушении порядка следственных действий, объясняющие противоречия в показаниях и т. п.) [152, 95–96].

Кроме указанных обстоятельств, подлежащих доказыванию, ст. 68 УПК отмечает необходимость выяснения обстоятельств, способствующих совершению преступления. Они, несомненно, исследуются и могут быть установлены лишь при производстве следственных действий, в том числе и проводимых специально для этой цели, то есть в условиях доказывания. Поэтому к установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, пол-

ностью применимы основные положения и рекомендации криминалистической тактики. О том, что обстоятельства, способствующие совершению преступления, входят в предмет доказывания, неоднократно отмечал Верховный Суд СССР. Так, в определении судебной коллегии Верховного Суда СССР от 20 января 1962 года по делу П. указано: «Обстоятельства, способствующие совершению преступления, входят в предмет доказывания: неустановление этих обстоятельств может влечь за собой отмену приговора» [150, 61].

Следует отметить, что лишь в УПК Украинской и Таджикской ССР нет указаний на обязательность выявления условий и причин, способствовавших совершению преступлений и принятию мер к их устранению. УПК всех остальных союзных республик содержат это требование в отдельных статьях ст. 62 УПК Белорусской ССР, ст. 49 УПК Узбекской ССР,

ст. 46 УПК Казахской ССР, ст. 60 УПК Грузинской ССР, ст. 72 УПК Литовской ССР и т. д.). Представляется, что данное положение не вошло в УПК в форме одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, лишь в связи с отсутствием такового в ст. 25 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, определяющей перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Деятельность по установлению и доказыванию указанных обстоятельств является разновидностью активной, целенаправленной познавательной деятельности человека. Как всякая поисково-познавательная деятельность, доказательственная деятельность представляет собой совокупность операций (действий) по организации, планированию этой деятельности и оценке информации, циркулирующей в процессе познания. На наш взгляд, совокупность указанных операций определяет структуру рассматриваемой области деятельности по собиранию, исследованию и оценке доказательств. С другой стороны, именно эта область деятельности является сферой наиболее интенсивного приложения большей части элементов, составляющих криминалистическую тактику. В этом аспекте как «инструмент» поисково-познавательной деятельности криминалистическая тактика может быть рассмотрена в разрезе структуры сфер ее приложения.

Отсюда следует, что совокупность операций по организации, планированию деятельности по доказыванию и оценке информации, циркулирующей в процессе судебного исследования, может быть принята в качестве «границ» существования тактики и возможных изменений ее элементов. Дальнейшее развитие содержания тактики, трансформация внешних ее форм не может изменить этих границ. Совокупность указанных операций характеризует в сущности систему связей элементов в тактике, которая «оформляет» содержание и его непрерывные изменения в качественную определенности и выражает ее. А так как подобная система связей элементов в процессе (явлении) определяет структуру этого процесса, то совокупность операций по организации и планированию деятельности и оценке информации при доказывании может быть рассмотрена как структура криминалистической тактики.

Изложенное дает возможность рассматривать в качестве одной из внутренних форм содержания криминалистической тактики ее структуру в разрезе операций по планированию, организации и оценке, то есть функциональную структуру криминалистической тактики¹⁵. С этих позиций разрабатываемые криминалистической тактикой тактические элементы, можно разделить на три следующие группы в соответствии с видами функциональной деятельности следователя, в которой они находят свое полное выражение:

1. Тактические элементы планирования деятельности по собиранию, исследованию и оценке следственной информации.
2. Тактические элементы оценки следственной информации.

¹⁵ Термин «функция» в данном случае употребляется в его переносном значении, как обязанность, круг деятельности, назначение [115, т. 4, 805].

3. Тактические элементы организации деятельности по собиранию, наследованию и оценке следственной информации.

Следует отметить, что внутренняя форма, как и всякая форма, неоднозначна. Одно и то же содержание может рассматриваться в зависимости от целей исследования облекаемым в различные формы. В сущности в любом определении криминалистической тактики, на наш взгляд, некоторым образом присутствует указание на ее структуру в виде обозначения сфер приложения тактики (см. § 1, гл. I настоящей работы). Своеобразная, подробная структура содержания криминалистической тактики предложена А. И. Винбергом, который включает в нее логические основы тактики, ее психологические основы, основы криминалистической идентификации, использования криминалистической техники, использования помощи общественности, следственных действий и криминалистическую тактику следственных действий [42].

А. Н. Васильев с функциональной точки зрения по сферам приложения подразделяет тактику на следующие структурные элементы: тактические приемы применения логических методов познания; тактические приемы психологии отношений следователя с участниками следственных действий; тактические приемы организации расследования [39, 33].

§ 2. Тактические элементы планирования деятельности по собиранию, исследованию и оценке следственной информации

Научная организация следствия и, в первую очередь, научно обоснованное планирование расследования с широким учетом и использованием тактических элементов во многом определяют успех расследования и установления истины по конкретным уголовным делам. Это связано, прежде всего, с возросшими требованиями к полноте, всесторонности и объективности исследования всех обстоятельств дела. Достижения научно-технической революции открывают широкие возможности использования и планирования новых методов (в частности, сетевое планирование, отдельные разделы теории игр) для применения тактических элементов, необходимость чего вызывается общеобразовательным и интеллектуальным уровнем лиц, вовлекаемых на орбиту следствия, а также общей возросшей сложностью окружающей среды. Широкое использование методов научного планирования в следственной практике, таким образом, не временное веяние, а настоятельная, объективная необходимость.

Результаты проводимых конкретно-социологических исследований в уголовном судопроизводстве показывают, что в числе основных причин, приведших к тому, что дело осталось нераскрытым, а преступники – безнаказанными, были недостатки в организации расследования, и в первую очередь его бесплановость. Под планированием в широком смысле понимается принятие решений о том, что должно быть сделано, кем, когда и как. Посредством планирования будущие цели увязываются с деятельностью в настоящее время. «Планирование расследования, – отмечает А. С. Голунский, – представляет собой сложную умственную работу, начинающуюся с начала расследования и продолжающуюся до его и окончания».

Схематически эту работу можно изобразить примерно следующим образом:

1. Следователь разыскивает, собирает... определенные данные, касающиеся расследуемого факта, и знакомится с ними.

2. Ознакомившись с имеющимися в его распоряжения сведениями о данном конкретном случае, следователь мысленно сопоставляет сведения об определенных конкретных фактах между собой, а также с общими положениями о способах совершения, сокрытия и расследования аналогичных преступлений... В результате такого сопоставления у следователя создается представление о том, что произошло в данном случае, каковы возможные объяснения имеющих в его распоряжении фактических данных...

3. Представляя себе, что могло иметь место в данном случае, следователь имеет возможность уяснить, какие еще неустановленные по делу факты должны иметь место в данном случае, если та или иная версия расследуемого события правильна. Это, в свою очередь, дает ему возможность направить следствие на выяснение существования или несуществования таких новых данных... В результате от предположения о том, что могло быть в данном случае, расследование приведет к знанию того, что на самом деле было» [48, 34]. По существу аналогично определяют понятие планирование расследования и другие советские криминалисты [32, 5—11; 76, 58 и др.].

На наш взгляд, с учетом информационного характера деятельности предварительного следствия по доказыванию понятие планирование следствия можно определить следующим образом:

Планирование – есть мыслительная деятельность следователя, направленная на основе анализа и оценки первоначальной и последующей следственной информации на выдвижение общих и частных версий и выбор оптимальных следственных действий для проверки выдвинутых версий, порядка и условий проведения этих действий, вплоть до получения однозначного решения: раскрытия преступления или установления факта отсутствия события или состава преступления, полного выяснения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, установления причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятия мер к их устранению.

Планирование вообще и планирование следствия в частности можно рассматривать с различных точек зрения и при разной классификации во времени, выполняемым функциям и уровню. Так, по делу составляется план расследования в целом, детализируемый в направлении тщательной проверки каждой выдвинутой версии; составляется план проведения отдельных следственных действий, включающий в себя и планирование поведения следователя и предполагаемое поведение участников этого следственного действия, а также план расследования одновременно нескольких дел, находящихся на определенный период времени в производстве у следователя (календарное планирование) и т. п.

Однако независимо от видов планов операции планирования и их логическая последовательность примерно однотипны. Кардинальной задачей планирования является формулирование общих и частных версий и разработка планов их проверки. (Это можно понимать как выяснение возможностей на данном этапе следствия.)

Необходимо отметить, что многие криминалисты (А. Р. Ратинов, А. (М. Ларин, М. П. Шалимов и др.) полагают, что построение версий нельзя считать элементом плана. А. Р. Ратинов, например, указывает, что построение версий и планирование – две существенно различные области мыслительной работы следователя. Версия – предпосылка, а не элемент плана [108, 149]. На наш взгляд, это не так. Выдвижение версий, проверку которых практически невозможно спланировать и осуществить, нереально. В процессе проведения запланированных следственных действий и других мероприятий версии трансформируются, исключаются, подтверждаются, выдвигаются иные и т. д.

Поэтому можно сказать, что выдвижение версий и планирование их проверки являются неразрывными, в принципе однопорядковыми структурными элементами мыслительной деятельности следователя и их расчленение, даже в целях изучения их природы, разрушает такую сложную динамическую систему, которой является планирование расследования.

Следующим этапом планирования является определение конкретных целей планов, указывающих на предполагаемые конечные результаты, то есть того, что необходимо выяснить путем производства намеченных следственных действий, определение условий и особенностей их проведения, выбора при этом тех или иных технико-криминалистических средств. Затем необходимо сформулировать основные положения плана, которые определяют главные направления деятельности для достижения поставленных целей. Следует отметить, что в пла-

нах наряду с контролируемыми положениями (внутренние факторы) могут фиксироваться и неконтролируемые – внешние факторы (лицо, с участием которого необходимо провести следственные действия, скрылось от органов следствия и т. п.). По мере того, как планирование перемещается на более низкие уровни, роль внутренних факторов усиливается.

Особым элементом в процессе планирования является определение и анализ альтернативных направлений достижения поставленных в плане целей и выбор среди них оптимальных. При этом следователь перебирает возможные направления достижения цели, анализирует их, прогнозирует вероятный результат, и лишь потом выбирает одно из этих направлений и осуществляет намеченный план. Безусловно, процесс планирования не прекращается после выбора альтернативного направления следствия, поскольку практически до окончания расследования никогда не прекращается корректировка поставленных планов, осуществляемая в связи с выполнением намеченных действий и получением новой информации.

Таким образом, основными операциями, (структурными элементами) планирования следствия, на наш взгляд, являются: а) выяснение возможностей на определенном этапе следствия; б) определение конкретных целей планов; в) формулирование основных положений плана; г) определение и анализ альтернативных направлений достижения поставленной цели и выбор среди них оптимальных.

Исходя из описанной структуры планирования, можно заключить, что совокупность тактических элементов на рассматриваемом этапе деятельности предварительного следствия включает в себя:

– Рекомендации по выдвижению версий.

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе под следственной версией понимается обоснованное предположение следователя относительно события преступления, его отдельных обстоятельств и связей доказательственных фактов [32, 36–37; 39, 55; 83, 233]. Известный чехословацкий криминалист Ян Пешак определяет следственную версию как «обоснованное собранным материалом предположение следователя о формах связи и причине отдельных явлений расследуемого события (или его в целом) как одно из возможных объяснений установленных к этому времени фактов и обстоятельств дела» [104, 132]¹⁶.

Основной тактический принцип выдвижения версий – их обоснованность следственно-оперативной информацией, имеющейся на момент их построения. Когда объем следственно-оперативной информации невелик, возникает ряд версий, каждая из которых имеет некоторое обоснование. Однако в начале следствия при минимальном объеме следственно-оперативной информации следственные версии могут выдвигаться как обоснованные, так и по аналогии, на основании личного и обобщенного опыта расследования определенной категории преступлений. Такие версии определяются как типичные или методические. В ходе расследования одна из версий (из выдвинутых как в начале следствия, так и в ходе его) подтверждается и приобретает характер истинной, правильной версии. В соответствии с руководящим принципом всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК) необходимо выдвигать все представляющиеся возможными и имеющие какое-либо обоснование версии. Следует согласиться с мнением М. П. Шалимова о том, что «высказывать свои предположительные объяснения по поводу расследуемого преступления, если для

¹⁶ А. М. Ларин в работе, посвященной следственным версиям, определил ее как «строящуюся в целях установления объективной истины по делу интегральную идею, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку наличных данных, служащий объяснением этих данных и выраженный в форме гипотезы» [77, 29]. Эта сложная и своеобразная дефиниция несомненно требует глубокого критического анализа, выходящего за рамки нашей работы.

этого имеются фактические данные, могут любые граждане, тем более участники процесса. Но признать те или иные предположения версиями вправе только следователь и прокурор, осуществляющий надзор за следствием» [137, 266].

В этой связи следует отметить, что предположения о преступлении, обстоятельствах его совершения и лицах, его совершивших, высказанные лицом, которое обвиняется или подозревается в совершении этого преступления, так же, как и заявленное ими алиби, должны быть сформулированы в виде версий и тщательно проверены в обязательном порядке. Невыполнение этого требования, носящего в определенной мере тактический характер, приводит к неполноте, односторонности следствия, и, как правило, влечет за собой возвращение дела на дополнительное расследование.

Если преступление совершено в условиях очевидности или предпринятыми оперативными и первоначальными следственными действиями преступник установлен и изобличен в совершении преступления, то версии в таком случае выдвигаются по элементам состава преступления и для решения частных вопросов¹⁷. Проиллюстрируем указанные основные тактические положения по выдвижению версий примером из следственной практики.

3 мая 1968 года у подъезда дома № 46 по улице Героев Сибиряков г. Воронежа был обнаружен труп студента медицинского института Александра Пенькова с колото-резаной раной в подвздошной области. На плече и предплечье потерпевшего имелось еще несколько поверхностных ран такого же типа.

С учетом сведений, полученных при производстве первоначальных следственных действий по делу были выдвинуты следующие версии:

1. Убийство Пенькова совершено на почве личных счетов или ревности знакомым Татьяны Г. Основанием для выдвижения этой версии явилось то, что потерпевший был убит у подъезда дома, в котором жила его близкая знакомая Татьяна Г. Она ушла от Пенькова в свою квартиру, попросив подождать ее возвращения. Через 10–15 минут после ее ухода был обнаружен труп Пенькова.

2. Убийство совершено по тем же мотивам кем-либо из знакомых Пенькова, в частности человеком по имени «Юрий». Эта версия (была выдвинута в связи с показаниями Котовой, проживающей на четвертом этаже дома, около которого совершено убийство. Она пояснила, что за несколько минут до обнаружения трупа Пенькова, выйдя на балкон, она услышала у подъезда шум и слова: «Юрка, не бей!» – после чего несколько человек побежали от дома. Количество убежавших и их приметы она не заметила.

3. Убийство совершено лицом из числа хулиганствующих элементов. Эта версия не была на момент ее выдвижения обоснована какими-либо имеющимися фактическими данными, а выдвинута исходя из опыта расследования подобных преступлений и носила методический характер.

– Рекомендации по планированию проверки версий.

Построив версии, следователь приступает к планированию способов и путей их проверки. Проверка версий, отмечает А. М. Ларин, «состоит в практической деятельности, в поисках и собирании (фактических данных, которые подтверждают или опровергают заключенное в версии предположение» [76, 67, см. также: 116, 117]. Для этого следователь, исходя из имеющейся информации, определяет вопросы, подлежащие (выяснению каждой версии, и способы их разрешения, то есть определяет конкретные цели и формулирует основные положения плана.

Естественно, что вопросы, подлежащие выяснению, имеют различные уровни. В первую очередь планируется разрешение кардинальных вопросов, имеющих значение для проверки

¹⁷ Освещение всех имеющихся тактических рекомендаций и приемов не входит в задачу нашей работы и поэтому мы здесь и в дальнейшем останавливаемся лишь на отдельных из них, имеющих, на наш взгляд, особое принципиальное значение.

всех версий, в частности: по поводу события, в отношении которого возбуждено уголовное дело; затем планируется разрешение вопросов, касающихся предшествующих преступлению событий, связанных с потерпевшим, об обстоятельствах совершения преступления, вопросов относительно лица, совершившего преступление и т. п.

Следственная практика и криминалистическая теория убедительно свидетельствуют, что одной из главных причин того, что преступления не были своевременно раскрыты, или дела приостанавливались за неустановлением преступника, является то, что органы следствия проверяли, и в ряде случаев очень тщательно и кропотливо, лишь одну, казавшуюся наиболее вероятной на определенном этапе версию. Из этого вытекает основная тактическая рекомендация по планированию проверки версий: планирование проверки всех выдвинутых версий и, естественно, сама проверка должны осуществляться своевременно и параллельно друг другу. Следует также отметить, что планирование проверки версий, как и выдвижение последних, должно быть очень мобильным. Следователь обязан чутко реагировать на вновь поступающую информацию по исследуемым им вопросам и на ставшие известными в ходе следственно-оперативных действий новые возможные источники информации о них и незамедлительно использовать эти данные для корректировки, а в необходимых случаях – изменения составленного плана.

Для того чтобы всесторонне расследовать каждый подлежащий выяснению вопрос и избежать ошибок в исследовании и оценке полученной по нему информации, необходимо планировать для его проверки производство не одного, а по возможности серии следственных действий, желательно различных по своему содержанию, с максимальным использованием при их производстве технико-криминалистических средств и научных методов ведения следствия. Если допрашиваемое лицо ссылается на то, что об утверждаемых фактах знают другие лица или что его показания основаны на сообщениях других лиц, необходимо также планировать и осуществлять допросы последних и другие следственные действия с их участием. Следует отметить, что эта тактическая рекомендация частично нашла законодательное закрепление в УПК ряда союзных республик, как уже отмечалось выше (с. 26)¹⁸.

При расследовании дела об убийстве Пенькова, описанного выше, план проверки выдвинутых версий в рассматриваемом аспекте использования тактических элементов в узловых своих моментах выглядел следующим образом.

Вопросы, подлежащие выяснению для проверки всех версий:

1. Какова причина смерти Пенькова? Какие телесные повреждения имеются на трупе, их характер и локализация?

2. Не имеется ли на костях трупа в области нанесения смертельного повреждения следа от оружия, которым нанесен этот удар? Формулирование последнего вопроса последовало после беседы с хирургом областной больницы, в которую доставили потерпевшего. (Врач пояснил, что смертельный удар Пенькову был нанесен с большой силой и, вполне вероятно, что при этом была задета какая-либо кость. Необходимость выяснения данного обстоятельства при положительном ответе связывалась с возможностью в дальнейшем производства идентификации орудия убийства. Естественно, что для разрешения этих вопросов было запланировано проведение судебно-медицинской экспертизы. С получением данных по первому вопросу появилась возможность использовать их в ходе производимых допросов, а затем и при оценке объективности показаний подозреваемого. При вскрытии трупа на подвздошной кости был обнаружен четкий след, оставленный орудием с односторонней заточкой. Эта кость была выпиlena и соответствующим образом обработана.

¹⁸ В своей монографии, посвященной вопросам планирования и организации расследования по уголовному делу, А. М. Ларин приводит детально разработанный план проверки версий по конкретному делу об убийстве; в нем полностью нашли свое применение сформулированные выше основные тактические рекомендации по планированию проверки версий [76, 74–79].

Для проверки первой версии были запланированы мероприятия, направленные на установление знакомых мужчин Татьяны Г. и выяснение их причастности к убийству, а именно: допрос по этим вопросам Татьяны Г., допросы названных ею своих знакомых, проверка алиби каждого из них. Эти же обстоятельства проверялись и оперативным путем.

По второй версии была запланирована и проведена аналогичная работа в отношении знакомых Пенькова: планировались и проводились допросы Татьяны Г., родителей потерпевшего, его сокурсников. Было установлено, что у потерпевшего сложились неприязненные отношения с Юрием Плахотиным, также студентам медицинского института, который ревновал его к Татьяне Г. Свидетели характеризовали его как вспыльчивого, неуравновешенного человека. На данном этапе следствия возникшая в этой связи версия о совершении преступления Плахотиным представлялась наиболее вероятной, тем более что, как было установлено, через несколько часов после убийства Пенькова он выехал в соседнюю область к родственникам. Для проверки этой версии был немедленно запланирован и реализован ряд следственно-оперативных действий, в частности: допрос его соседей по общежитию, производство обыска в его комнате и т. п. В местонахождение Плахотина для его допроса был командирован оперативный работник.

Одновременно проводилась запланированная работа по проверке третьей версии. По понятным причинам на первом этапе она производилась согласно плану преимущественно оперативным путем. Работники милиции выявили несколько групп подростков, которые находились вечером 3-го мая неподалеку от места убийства. Устанавливались все участники таких групп, которые затем подробно допрашивались о том, чем они были заняты вечером 3-го мая. Оперативные работники в то же время, согласно плану, собирали сведения, характеризующие каждого из них. Эти данные использовались следователем при выборе индивидуальных тактических приемов допроса каждого лица. В результате такой работы при разработке этой версии внимание было сосредоточено на группе Зубкова и Лебедева. Чувствовалось, что эти двое, как и другие подростки этой группы, чем-то обеспокоены и что-то не договаривают. Показания первых допрошенных подростков этой группы полностью совпадали между собой. Но один из них – Ветров пояснил (не зная, какими сведениями располагает следователь), что с ними, кроме установленных и допрошенных следователем лиц, был еще один парень по кличке «Медалец». И хотя, по показаниям Ветрова, в их группе в этот вечер ничего не произошло, то обстоятельство, что Зубков, Лебедев и другие не называли «Медальца», настораживало. Тут же все эти лица были допрошены дополнительно и им было предложено объяснить, почему в предыдущих показаниях они скрывали присутствие в их группе этого человека. В тех случаях, когда подростки отрицали присутствие «Медальца» в их группе, оглашались показания Ветрова или производились с последним очные ставки. Это заставило Лебедева, Зубкова и остальных, в том числе и Ветрова, дать правдивые показания о совершении убийства Пенькова, ранее незнакомого им всем, «Медальцом» из хулиганских побуждений в их присутствии. Кто такой «Медалец» и где он живет, никому из них неизвестно. Возникла уже достаточно обоснованная версия о совершении убийства парнем по кличке «Медалец». Для ее проверки было запланировано: установление по картотеке личности «Медальца»; производство в его доме обыска с целью отыскания орудия убийства и последующим задержанием его самого в качестве подозреваемого; допрос его и производство при необходимости очных ставок с очевидцами совершения им убийства.

Во исполнение первого из намеченных мероприятий было незамедлительно установлено, что «Медалец» – это Юрий Добросоцкий, ранее уже привлекавшийся к административной ответственности за совершенные правонарушения. (Попутно следует отметить, что при выдвижении версий следователем были неполно оценены показания свидетеля Котовой и не учтена возможность, что слова «Юрка, не бей» могли принадлежать не потерпевшему, а кому-либо из группы, находящейся с убийцей, как это и было установлено в дальнейшем, в связи с чем

при проверке первых двух версий акцентировалось внимание на установление лиц по имени Юрий из окружения потерпевшего и Татьяны Г.).

В ночь на 5-е мая в своем доме был задержан Юрий Добросоцкий. После непродолжительного запирательства он дал показания о совершении им данного преступления и выдал нож, которым наносил удары Пенькову. В связи с последним обстоятельством необходимость проведения обыска в его доме отпала.

Следует отметить, что из первоначальной беседы с Добросоцким в его доме по его поведению стало ясно, что он не знает о смерти потерпевшего, в связи с чем он из тактических соображений первоначально был допрошен лишь о нанесении им Пенькову ударов ножом. Показания Добросоцким го были записаны на магнитофонную ленту. При выходе с ним на место происшествия для проверки его показания применялась киносъемка и оперативная фотография, как это и было предусмотрено планом проведения следственных действий. В дальнейшем была запланирована и проведена судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств с применением физико-технических методов исследования, которая дала категорическое однозначное заключение о том, что след на подвздошной кости, изъятый из трупа потерпевшего, оставлен ножом, выданным Добросоцким. При дальнейшем расследовании помимо изучения обстоятельств совершения убийства Добросоцким были спланированы и проведены следственные действия по допроверке первых двух версий, выдвинутых в начале расследования. В результате проведенных мероприятий они были полностью исключены.

– Рекомендации по выбору оптимальных следственных действий и последовательности их проведения.

Как отмечалось выше, для проверки каждого обстоятельства по всем выдвинутым версиям следует планировать производство не одного, а по (возможности серии следственных действий, желательно различных по своему содержанию. Представляется, однако, что в первую очередь следует планировать проведение наиболее оптимальных из них, то есть тех, которые, Как предполагается, должны привести к наиболее эффективному и рациональному решению поставленного вопроса. При выборе оптимального действия необходимо учитывать и анализировать вероятность достижения определенного результата, который получался в прошлом при производстве аналогичных действий. При этом следователь должен опираться на свой профессиональный опыт и криминалистические рекомендации. Следователь, как правило, не может предвидеть точного результата следственного действия, но может оценить вероятность получения такового. Выбор следственного действия всецело принадлежит ему, и из набора следственных Действий, запланированных им для проверки конкретного обстоятельства, (следователь избирает то, которое с точки зрения поставленных задач и принципа всесторонности и объективности расследования приводило в прошлом к лучшим результатам, чем другие возможные действий. Правильный выбор такого действия значительно облегчит выполнение других действий, направленных для выяснения этого же вопроса, и оценку информации, получаемой в ходе их производства.

При выборе последовательности следственных действий необходимо учитывать, что не всегда путь, представляющийся самым коротким Для достижения цели, является таковым на самом деле. Желание как можно быстрее изобличить преступника, пресечь его дальнейшую преступную деятельность, а также сократить сроки расследования за счет упрощения выбора последовательности следственных действий может привести к серьезным, зачастую к невозможным ошибкам.

Отметим, что результаты следственных действий, как правило, зависят не только от деятельности следователя, но и от вида и особенностей источника информации. Разрабатывая последовательность получения информации в процессе всего следствия, следователь при планировании следственных действий и их последовательности вынужден решать, как реагировать на каждую из возможных вариаций их результатов, и как эти вариации могут оказаться

на проведении последующих действий, и уже на основании этого прогнозировать вероятность результатов всей выбранной последовательности следственных действий. Чем с большей вероятностью ожидаемый результат соответствует цели выяснения определенного обстоятельства, тем лучше может считаться выбранная последовательность. Совершенно ясно, что этот выбор достаточно субъективен. Следует отметить также, что оптимальная последовательность достижения цели, как правило, неоднозначна. И поэтому, если есть несколько путей, имеющих предположительно равные вероятности, то выбирать следует любой из них, связанный с меньшей затратой времени и средств.

Вопрос о выборе оптимальных следственных действий и их последовательности должен разрешаться сугубо индивидуально в каждом конкретном случае, с учетом сложившейся следственной ситуации, актуальности и важности выяснения исследуемого обстоятельства и его очередности, объема информации, которой располагает об этом событии следователь, известных психологических и других особенностей участников намеченных следственных действий и т. д.

Отметим, что планирование последовательности производства следственных действий, на наш взгляд, зависит от вида расследуемого преступления и конкретных обстоятельств дела и связана с необходимостью собирания и исследования в первую очередь той информации, источники которой, как правило, подвержены большим или меньшим изменениям, носящим объективный или субъективный характер. Чем больше вероятность таких изменений, тем более неотложный характер принимает необходимость производства действий по собиранию информации, получаемой из этих источников.

Как известно, наиболее изменяющийся, невосполнимый характер носит обстановка места происшествия и именно потому неотложность осмотра места происшествия является одной из основных тактических рекомендаций¹⁹. Более того, представляется, что именно из этих соображений (так же, как из соображений получения первоначальной информации о событии) осмотр места происшествия признан единственным следственным действием, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела (ст. 178 УПК). Неотложными следственными действиями являются также и те, которые направлены на пресечение преступной деятельности и в ряде случаев на выяснение и принятие мер к устранению причин, обусловивших совершение преступления, если без немедленного его устранения они могут вызвать те же преступные последствия, что и по расследуемому событию (например, по делам о нарушении техники безопасности, при расследовании фактов возникновения инфекционных и эпидемических заболеваний и т. п.).

При определении последовательности следственных действий, кроме того, следует учитывать необходимость первоначального проведения тех из них, в результате которых должна быть получена информация, без которой невозможно производство последующих действий, оценка собранных на данном этапе доказательств и принятие определенных процессуальных решений (о движении дальнейшего расследования, об избрании меры пресечения и т. п.). При решении вопроса о последовательности следственных действий следует планировать проведение в первую очередь тех, которые связаны с длительными сроками (ревизии, экспертизы и т. п.), ибо, как показывает следственная практика, именно несвоевременное назначение и производство таковых является одной из основных причин нарушения сроков следствия.

Покажем на примере, как осуществлялся набор следственных действий и выбор их оптимальной последовательности для выяснения всего лишь одного существенного обстоятельства при расследовании конкретного уголовного дела.

¹⁹ Эта тактическая рекомендация нашла себе законодательное закрепление в УПК Казахской ССР, ст. 125 которого указывает, что «получив сообщение о совершенном преступлении, раскрытие которого требует осмотра, лица, производящие расследование, или следователи обязаны немедленно выехать и произвести осмотр места происшествия в присутствии понятых».

По делу об убийстве сторожа Анохина, совершенного неустановленными лицами в ходе разбойного нападения на ювелирный магазин, были получены оперативные данные о том, что Самсонов, сам непосредственно не принимавший участия в совершении этого преступления, знает преступников, и что часть похищенных ювелирных товаров отдана ему на сохранение и сокрытие. Однако, как стало известно, Самсонов намерен категорически отрицать данные факты при возможном вызове его к следователю.

Анализ этих данных показывал, что требуемая информация могла быть получена непосредственно из двух источников: допроса Самсонова и обыска с целью обнаружения похищенных товаров. Некоторую информацию об интересующих следствие обстоятельствах представлялось возможным получить также от знакомых и близких Самсонова, которым он мог устно или письменно что-либо сообщить по данному поводу. Исходя из этих соображений и криминалистических рекомендаций был определен следующий набор действий для выяснения указанных обстоятельств: а) допрос Самсонова, как свидетеля по делу; б) допрос его близких и знакомых, которым он мог что-либо сообщить об интересующих следствие обстоятельствах; в) производство обыска в его доме с целью обнаружения похищенного; г) наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию его и возможных его корреспондентов; д) дача задания ОУР на проведение дальнейшей оперативной работы в этом направлении.

Учитывая важность и «тонкость» выяснения данного обстоятельства, в первую очередь были осуществлены действия, указанные в двух последних пунктах, ибо при вероятности положительного эффекта они в любом случае не могли отрицательно повлиять на дальнейшие действия по его исследованию. Затем был рассмотрен вопрос о первоначальном допросе Самсонова с одновременным производством допроса его близких и знакомых. Такой путь был отвергнут, так как, хотя он и представлялся самым коротким, его отрицательные результаты могли заставить Самсонова принять меры к уничтожению улик и вещественных доказательств и привести к некоторым другим существенным отрицательным последствиям. Поэтому была продумана иная последовательность с одновременной корректировкой составного набора действий. Намечалось проведение обыска в доме и на рабочем месте Самсонова и последующее его задержание при обнаружении доказательств с одновременным выполнением действий, намеченных в п. п. а и б. При рассмотрении эта последовательность представлялась также неоптимальной, ибо в случае необнаружения доказательств могли наступить те же отрицательные последствия, по которым был отвергнут и первый план.

В этой связи (и в развитие предыдущих планов) было решено провести в первую очередь допрос Самсонова, но провести его в тех условиях, когда он по естественным причинам не будет иметь возможности контакта с преступниками и другими лицами, подлежащими допросу. При этом учитывались и некоторые установленные оперативным путем психологические моменты, связанные с данными о его личности. В связи с тем, что Самсонов в ближайшее время должен был выехать в служебную командировку, была определена следующая последовательность проведения намеченных действий: допрос Самсонова в месте его командировки, как только он прибудет туда, и одновременное производство действий, намеченных в п. п. б и в. При планировании этой последовательности была учтена необходимость немедленного обмена информацией между участниками проведения намеченных действий и в этой связи оговорен ряд организационных и технических деталей.

В тот момент, когда Самсонов сошел с поезда в месте своей командировки, он был немедленно доставлен на допрос в местный РОВД, к прибывшему туда ранее следователю. При доставке он сделал попытку выбросить несколько ювелирных изделий (как выяснилось впоследствии, он взял их с собой для реализации). При его допросе использовался как этот факт, так и ряд тактических рекомендаций. Самсонов был вынужден рассказать все ему известное о преступниках, сообщить о месте нахождения остальных похищенных ценностей и о тех лицах, которым он рассказывал об интересующих следствие фактах. Эти данные были немедленно

сообщены лицам, проводившим в это же время другие намеченные следственные действия. Выполнение запланированных действий было сочтено законченным лишь после получения сообщения, что показания Самсонова в приведенной части нашли себе полное подтверждение.

– Рекомендации по планированию следственных действий.

Определяя сущность следственных действий, Г. М. Миньковский и А. Р. Ратинов пишут, что они «представляют собой приспособленные к получению и передаче определенного вида информации комплексы познавательных и удостоверительных приемов, операций по собиранию и проверке доказательств, предусмотренные процессуальным законом в виде правил и осуществляемые непосредственно следователем (судом) [88, 371]. В этом определении, емко и точно отражающем содержание следственных действий, на наш взгляд, несколько сужена сфера применения таковых. Это связано с отсутствием указания на то, что следственные действия также могут являться формой, приемом оценки доказательств.

Отметим также, что в той же работе эти авторы совершенно справедливо указывают, что следственные действия – это действия следователя, состоящие, в частности, в «использовании доказательств для формирования и обоснования выводов о результатах производства по делу (составление обвинительного заключения, приговора)» [88, 384], тем самым признавая, что эти действия в некотором роде являются приемами оценки доказательств. В этой связи нам представляется возможным определить следственные действия, как основные процессуально установленные приемы и формы осуществления деятельности следователя по собиранию, исследованию и оценке доказательств.

Сферой применения криминалистической тактики при производстве следственных действий являются не они сами как таковые, а их целесообразность и эффективность, условия и порядок их производства при доказывании. Планирование следственных действий по существу является нижним уровнем планирования следствия, в связи с чем к нему полностью применимы тактические приемы и рекомендации, рассмотренные нами относительно к предыдущим уровням этой важной области деятельности следователя. Тактические приемы и рекомендации по планированию и проведению отдельных следственных действий Обстоятельно, многосторонне разработаны в советской криминалистической и уголовно-процессуальной литературе [19, 21; 37; 41; 43; 46; 47, 62, 63, 65, 66, 70, 91, 94, 106; 107; 119; 120; 128; 132; 133, и др.].

При планировании всех без исключения следственных действий следует учитывать специфику обстоятельств, проверка которых в разрезе каждой версии запланирована производством данного следственного действия, вид последнего независимо от того, воспринимается ли информация следователем в ходе его непосредственно (осмотр, выемка и т. и.) или информация поступает опосредованно через восприятие других лиц (допрос, опознание и т. п.), а также объем информации, которым располагает следователь об исследуемом обстоятельстве и предполагаемом знании о нем субъекта следственного действия. При планировании каждого следственного действия следует продумать тактические элементы, касающиеся определения круга и последовательности вопросов, подлежащих выяснению²⁰; определения линии своего поведения и прогнозирования поведения субъектов следственных действий²¹; определения состава участников следственных действий; определения места и времени производства следственных

²⁰ Некоторые общие тактические рекомендации на этот счет предусмотрены в уголовно-процессуальном законе. Так, ст. 158 УПК указывает, что допрос свидетеля начинается предложением свидетелю рассказать все известное ему об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос, после чего ему могут быть заданы вопросы; ст. 170 УПК предусматривает, что после предъявления постановления о производстве обыска или выемки следователь обязан предложить выдать предметы или документы, подлежащие изъятию, а затем, в случае отказа, произвести выемку принудительно.

²¹ В этой связи представляется неточным утверждение А. В. Дулова о том, что следователь должен прогнозировать свое поведение [57, 45–47]. Прогнозировать, предвидеть можно лишь обоснованное фактами предположение о необходимом или вероятном наступлении события, которое еще не произошло. Следователь, на наш взгляд, достаточно самоуправляемая система, чтобы не предполагать, а определять линию своего поведения.

действий; определения необходимости использования при проведении следственного действия технико-криминалистических средств.

§ 3. Тактические элементы оценки следственной информации

Оценка информации, имеющей главным образом доказательственный характер, составляет одну из важнейших сторон мыслительной деятельности при доказывании. Она сопутствует всей работе следователя в процессе следствия. Эта функция нашла свое законодательное закрепление в ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, где указывается, что доказательства оценивают по своему внутреннему убеждению не только судьи (как это трактовалось в ранее действовавшем законодательстве), но и лицо, производящее дознание, – следователь, прокурор.

«Под оценкой доказательств в судебном исследовании, – пишет Р. С. Белкин, – понимают логический, мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины» [22, 66]. По существу, так же определяют содержание оценки доказательств М. С. Строгович, П. Ф. Пашкевич, П. А. Якубович, А. И. Трусов, В. Д. Арсентьев, А. М. Ларин, Л. Т. Ульянова, И. И. Мухин. [121, т. 1, 304; 102; 49; 32, 104; 126, 87; 18, 130; 127, 65; 92, 99] и другие советские юристы.

Одно из последних в литературе определений оценки доказательств, данное И. Л. Петрухиным, подтверждает положение о том, что «оценка доказательств – это мыслительная деятельность следователя, прокурора и судей, которая состоит в том, что они, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, достоверность и достаточность для выводов по делу» [103, 428].

Нам, однако, кажется, что данное определение слишком общо и в целом касается не оценки доказательств как таковых, а оценки следственной информации вообще. «Доказательствами по уголовному делу, – гласит ст. 69 УПК, – являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законном порядке органы дознания, (следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Таким образом, доказательствами признаются лишь те фактические данные, содержащиеся в следственной информации, которые относятся к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, и добыты из допустимых законом источников.

Отсюда следует, что если определенная следственная информация не отражает таких фактических данных или получение ее связано с грубыми, невосполнимыми процессуальными нарушениями, то такие фактические данные не являются доказательствами вообще. Так, при расследовании убийства, совершенного неизвестными лицами на улице против окон жилого дома, возникает необходимость в допросе в качестве свидетелей всех тех жильцов, из окон квартир которых просматривается место происшествия. В результате оценки информации, полученной от допросов, с точки зрения относимости и допустимости, доказательствами можно признать лишь те фактические данные, которые относятся к обстоятельствам расследуемого дела и при получении которых не допущено грубых невосполнимых процессуальных нарушений. И уже затем эти доказательства подлежат оценке, как справедливо указывает И. Л. Петрухин, для определения их достоверности и достаточности для выводов по делу²².

Оценка информации сопутствует всему процессу следствия от возбуждения уголовного дела до окончания следствия. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела прихо-

²² Следует отметить, что в зависимости от конкретных обстоятельств расследуемого дела и объема информации, имеющейся на определенном этапе следствия, одни и те же фактические данные, добытые допустимым путем, в одних случаях могут являться лишь частью следственной информации, в других – доказательствами.

дится оценивать имеющееся сообщение или проверочный материал о событии с точки зрения наличия в них совокупности достаточных оснований и поводов, свидетельствующих о том, что в событии имеются признаки преступления. Без такой же оценки (уже доказательств), естественно на несколько ином уровне, невозможно решить вопросы о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении его меры пресечения, о результатах проверки выдвинутых версий и т. п. Представляются исключениями случаи, когда планы расследования в процессе их реализации не нуждались бы в изменениях и корректировке, вызванных отклонениями фактически получаемых результатов от ожидаемых. Такая корректировка возможна лишь на основе постоянной оценки информации, циркулирующей в процессе следствия. Без оценки доказательств, также на ином уровне, невозможно решить вопрос о призывании собранных доказательств достаточными для составления обвинительного заключения, как того требуют ст. 200–201 УПК, или о прекращении (или приостановлении) дела по тем или иным обстоятельствам.

Оценка информации происходит на трех взаимосвязанных уровнях:

- оперативная оценка, под которой мы понимаем оценку информации, поступающей в ходе производства отдельных следственных действий для установления относимости содержащихся в ней фактических данных и допустимости ее источников;
- текущая оценка, которая производится по совокупности следственных действий, по результатам проверки версий, по отдельным обстоятельствам, подлежащим доказыванию, и т. п.;
- комплексная оценка, являющаяся высшим уровнем оценки доказательств. Осуществляется она, как правило, при решении кардинальных вопросов: о привлечении лица в качестве обвиняемого, об окончании дела и т. д.

На основе чего же происходит оценка доказательств, что является критерием их оценки? Вопрос о выборе критерия оценки доказательственной информации является одним из наиболее важных в теории судебных доказательств. Неправильное его решение чревато серьезными последствиями. Законодатель установил, что оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Таким образом, законодательно установлены принципы, на основе которых должна осуществляться оценка доказательств. Однако признание за внутренним убеждением судей значения критерия оценки доказательств по своему существу является идеалистическим и на практике, известно, приводило к грубейшим нарушениям социалистической законности при отправлении правосудия.

Исходя из ленинской теории отражения, практика и только практика может выступать в качестве критерия установления объективной истины. Практика – «это абсолютный критерий, единственное – не главное, не решающее, не определяющее, а единственное – средство проверки истинности или ложности наших суждений, наших знаний (в том числе и о событии преступления)» [22, 88].

Таким образом, оценить доказательство (или их совокупность) на любом уровне – значит, используя формально-логические общие и частные методы ленинской теории отражения (индукцию и дедукцию, анализ и синтез, наблюдение и измерение, списание и сравнение), по своему внутреннему убеждению и руководствуясь законом и социалистическим правосознанием на основе выбранного критерия установить соответствие (или несоответствие) доказательства исследуемым обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу, их достоверность и достаточность для выводов по делу.

Независимо от уровня оценки, от конкретного содержания расследуемых обстоятельств, оценка доказательств как мыслительная функциональная деятельность должна пройти следующие три этапа:

1. Формирование критерия оценки.
2. Установление соответствия фактических результатов поставленным целям на основании установленного критерия.
3. На основе установления соответствия или несоответствия фактически полученных результатов ожидаемым – осуществление корректировки практической деятельности или принятие определенных процессуальных решений по делу.

Как отмечено выше, критерием истины служит та часть объективной действительности и общественной практики, отображенная в наших представлениях о ней, которая наиболее полно раскрывает самые существенные признаки рассматриваемого события или явления. Критерием оценки общественного строя, как известно, служит форма собственности на средства производства, что выражает основную особенность того или иного общественного строя. Так, известная пословица «Нет дыма без огня» по существу является формулировкой критерия появления дыма, отображая объективную причинно-следственную связь между явлениями: если есть дым, следовательно, где-то должен быть огонь.

Критерием оценки доказательств являются объективно существующие факты и явления действительности и объективно-следственные связи между ними, наиболее полно раскрывающие самые существенные стороны определенного расследуемого события или обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

Эти факты, явления и причинно-следственные связи между ними отображены в представлениях о них лица, производящего оценку доказательств, которые сформированы у него на основании профессионального и жизненного опыта, знания юридических наук, в частности криминалистики, и его общего развития. Следует отметить, что для оценки доказательств об определенном факте или обстоятельстве на основе принципов всесторонности, полноты и объективности оценки представляется необходимым выбирать наибольшее количество возможных критериев, освещающих различные существенные стороны этого факта или обстоятельства. Правильный выбор критерия оценки и логически строгое его формулирование, как правило, дают возможность определить пути и способы доказывания обстоятельства, для которого выбран данный критерий.

Так, при оценке доказательств о факте, что Севостьянов ночью на улице произвел три выстрела из пистолета, были сформулированы следующие критерии:

– Выстрелы сопровождаются звуком. Если на улице производились выстрелы, то по законам акустики их должны слышать случайные прохожие или жители ближайших домов.

– При выстрелах из пистолета происходит выброс гильз. Если на улице производились выстрелы, то по законам баллистики у места, откуда они производились, должны находиться гильзы.

– Если произведены три выстрела, то в обойме пистолета, из которого они производились, должны отсутствовать как минимум три патрона.

Такое формулирование критериев оценки позволяет сразу же определить пути проверки расследуемого факта: установление и допрос случайных прохожих, находившихся на улице в момент производства выстрелов, и жителей соседних домов; осмотр места, откуда производились выстрелы; осмотр обойм пистолетов, принадлежащих определенным лицам.

На основе критерия, как меры сравнения, доказательства сопоставляются с представлениями о расследуемых событиях и обстоятельствах. Сопоставление «заключается в одновременном соотносительном исследовании и оценке свойств или признаков, общих для двух или более объектов» [22, 194]. Как метод оценки доказательств, сопоставление протекает по формально-логическим законам на основе причинно-следственных связей и взаимозависимостей между оцениваемыми доказательствами. Как правило, эти связи некоторое время в процессе следствия являются многозначными (правдоподобными), но по мере ликвидации рассогласо-

вания между доказательствами приобретают однозначный позитивный или негативный характер.

Так, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела у следователя на основе изучения судебно-следственной практики, своего жизненного и профессионального опыта, знаний криминалистики, уголовного материального и процессуального права складывается картина того, чему должны объективно соответствовать обстоятельства в данном определенном случае. То есть он, таким образом, формулирует свой критерий оценки имеющейся информации для данного конкретного события. Соответствие или несоответствие фактически установленных данных этой картине, выработанной на указанной основе, и предварительная уголовно-правовая квалификация события приводят к выводу о наличии в нем признаков преступления, необходимости и обоснованности (естественно, при наличии процессуального повода) возбуждения уголовного дела. Результаты данной оценки информации найдут свое выражение в вынесении постановления о возбуждении уголовного дела. По приведенной схеме происходит оценка информации на всех ее уровнях в процессе следствия.

§ 4. Тактические элементы организации деятельности по собиранию, исследованию и оценке следственной информации

Функциональная структура криминалистической тактики предполагает существование тактических элементов не только по планированию и оценке, но также и по организации следствия. Более того, организация является связующим звеном указанных выше элементов функциональной структуры тактики. В самом деле, тактические элементы по планированию и оценке можно рассматривать, обособленно друг от друга лишь условно: фактически они действуют в комплексе – оценка способствует развитию и корректировке планов на всех уровнях планирования в интересах достижения поставленных целей в зависимости от уровня планирования. В то же время планы корректируются на основе оценки.

Как ранее неоднократно отмечалось, планирование и оценка являются разновидностями мыслительной деятельности следователя. Реализация же планов на основе оценки составляет практическую деятельность по доказыванию. Она не может рассматриваться изолированно, оторвано от организационной деятельности лица, производящего доказывание. Эта функция деятельности по доказыванию осуществляется путем использования совокупности тактических элементов, которым лицо, производящее доказывание, считает необходимым или вынуждено следовать для получения, при получении и при переработке информации. В этом смысле часть функциональной структуры криминалистической тактики, связанная с практической реализацией планов и их корректировкой на основе оценки, может условно рассматриваться как организация практической деятельности по доказыванию. С позиций системного подхода организация в подобном понимании «проявляется прежде всего в ограничении разнообразия поведения частей системы в рамках целого» [86, 151]. В таком понимании организация, так сказать, материально не существует, ибо, как всякий свод правил, она направлена на практическое осуществление определенного вида человеческой деятельности и в ней находит свое выражение. Такой свод правил принято называть организационной формой или структурой. Организационная структура распространяется на действия, взаимные коммуникации и наблюдения [86, 153].

В криминалистической тактике под действием в данном смысле следует понимать ту часть организационной структуры, которая направлена на составление планов и их практическую реализацию, в том числе и на разработку порядка и условий проведения следственных действий, выбор способов их фиксации и т. д.

Коммуникацией в данном значении является часть организационной структуры, касающаяся взаимоотношений следователя с участниками процесса, органами дознания, экспертными, ревизионными и другими службами, общественностью и т. д.

Наблюдение как часть организационной структуры выражается в правилах, приемах и рекомендациях по изучению следственной информации и составлению процессуальных документов, в которых находит выражение произведенная оценка доказательств: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и т. д.

Множество тактических элементов по организации представляют собой способы реализации планов и оценок на всех уровнях связи между реализацией планов и их корректировки на основе оценки следственной информации и доказательств, в частности, коммуникативных связей следователя, способов изучения информации и составления процессуальных документов. Таким образом, эти рекомендации являются элементами организационной структуры: действием, коммуникацией и наблюдением соответственно.

Следует также отметить, что одной из важнейших областей организации являются тактические рекомендации, относящиеся к организации рабочего места следователя, его рабочего дня (календарное планирование) и т. п. Рассмотрим, например, некоторые, наиболее существенные, на наш взгляд, организационно-тактические элементы, в частности по составлению письменных планов следствия.

Составление письменного плана включает мыслительную деятельность следователя по планированию и является в нашем понимании организационным действием следователя, на которое распространяется соответствующая часть организационной структуры. Если преступление совершено в условиях очевидности, то, как отмечено выше, планирование по такому делу не представляет особой сложности, и письменный план сводится к составлению перечня вопросов, решение которых необходимо для установления и изучения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, и к определению следственных действий, производство которых необходимо для этого.

Более сложным является составление плана расследования по делам, когда преступник не установлен, а также по делам многоэпизодным и групповым. Такой план, на наш взгляд, должен состоять из трех разделов. В первом разделе определяются вопросы, подлежащие выяснению для одновременной проверки всех версий, и следственные действия, которые необходимо провести для их решения. Во втором разделе фиксируются следственные действия, направленные на проверку каждой отдельной версии. В третий раздел целесообразно отнести следственные действия, направленные на изучение личности обвиняемого (обвиняемых), на выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления, и на принятие мер к устранению этих причин.

А. М. Ларин предлагает составлять письменный план расследования в форме таблицы из пяти граф: исходная информация; вопросы, подлежащие выяснению; следственные действия и другие мероприятия; срок исполнения; результаты [76, 72–80]. Другие криминалисты приводят формы плана из трех граф: подлежащие выяснению вопросы, следственные действия, сроки [32, 181]. В целом соглашаясь с предложенной А. М. Лариным формой плана, нам представляется целесообразным дополнить ее формой: «Тактические и психологические особенности следственного действия», которая должна располагаться за графой «следственные действия». Так, внося в план пункт о производстве допроса свидетеля, целесообразно сразу в предлагаемой графе отметить отношение свидетеля к обвиняемому, черты его характера, возможную заинтересованность в исходе дела и т. п. Запланировав производство выемки документов, отметить возможное нахождение в месте выемки лиц, которые бы пытались узнать, какие именно документы будут изыматься, и т. п. Наличие таких отметок в общем плане безусловно поможет в дальнейшем при составлении плана отдельных следственных действий учесть некоторые моменты, наиболее важные в тактическом отношении.

В целях наиболее полного изучения личности обвиняемых по групповым делам целесообразно практиковать составление таблиц, в которых по вертикали располагаются фамилии обвиняемых, по горизонтали – необходимые следственные действия и документы, подлежащие истребованию и приобщению к делу. Составление такой таблицы возможно в связи с тем, что, как правило, личность обвиняемого изучается посредством проведения определенного комплекса следственных действий: допрос близких, соседей, истребование характеристик, спецпроверки о судимости, личных документов (в отношении несовершеннолетних обвиняемых, кроме того, приобщение к делу копии свидетельства о рождении, допрос педагогов, мастеров или бригадиров, изучение жилищно-бытовых условий) и т. п. По выполнению намеченного действия в соответствующей графе таблицы следует сделать отметку. Изучение личности обвиняемых по делу можно будет считать минимально законченным, когда все клетки таблицы в отношении каждого обвиняемого будут заполнены. Использование такой таблицы позволит более наглядно представить следователю, что еще требуется сделать для изучения личности обвиняемых²³.

В действия следователя как части организационной структуры, безусловно, входят вопросы календарного планирования как по отдельному делу, так и группе дел, находящихся одновременно в производстве на определенный отрезок времени. С учетом специфики следственной работы составлять его следует на неделю, не больше, ибо за больший срок следователь, как правило, принимает к производству новые дела, и вынужден перестраивать распорядок своего рабочего времени с тем, чтобы производить расследование и по вновь поступившим делам. Составлять календарный план по группе дел следует с учетом их сложности, опасности совершенных по каждому из них преступлений, сроков следствия, имея в виду строжайшее соблюдение принципов социалистической законности, быстроты, полноты, всесторонности и объективности расследования.

Таким образом, схема составления календарного плана сводится к следующему. Составленный по делу план, исходя из конкретных обстоятельств, делится на более краткие, недельные периоды. Уже по ним составляется четкий календарный план, который координируется с такими же недельными календарными планами по другим делам. На этой основе и составляется общий календарный план работы следователя по всем имеющимся в его производстве делам.

²³ Как уже отмечалось, вопросы планирования и организации производства отдельных следственных действий, способов их фиксации, использования при этом технико-криминалистических средств подробно освещены в перечисленных выше работах советских процессуалистов и криминалистов и в связи с задачами и объемом настоящей работы нами не рассматриваются.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

§ 1. Альтернативы направлений развития уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики как системы

Необходимость целенаправленного управления развитием общества является основополагающей концепцией марксистско-ленинской науки. В известном одиннадцатом тезисе о Фейербахе К.Маркс указывал: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3, 4]. Под принципом систематического познания мира и сознательного управления процессами общественного развития марксистами понимается научный прогноз, сущность которого, по словам В.И.Ленина, состоит в распознавании и учете диалектической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Он подчеркивал, что социализм рассматривает историческую почву «...не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [11, 75].

Гениальным образцом научного предвидения является ленинский «Набросок плана научно-технических работ» [13]. Придавая первостепенное значение научному прогнозу во всех областях экономического и общественного развития, В. И. Ленин требовал от Коммунистов продуктивного «мечтания» и приводил при этом Слова Писарева: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, – тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...» [7, 172]

В современной науке под прогнозом понимается вероятное предположение о будущем или о наступлении некоего события в будущем с относительно высокой степенью вероятности [17, 17; 105, 130; 72, 151; 146, 19]. Научный прогноз призван вскрывать причины, условия и обстоятельства, в зависимости от которых ставится вероятность наступления предсказываемых событий. Это открывает пути необходимого и возможного целенаправленного воздействия на некоторые из таковых обстоятельств (или их учета) для наступления желательных прогнозируемых явлений. Однако совершенно необязательно, чтобы прогнозируемые события или явления наступали. Более того, прогнозирование ряда социальных явлений осуществляется именно для того, чтобы целенаправленно воздействовать на причины и условия предвосхищаемых нежелательных явлений для воспрепятствования их наступлению.

Характерными образцами такого вида прогнозов являются криминологические прогнозы. М. Д. Шаргородский, рассматривая вопросы прогноза и правовой науки, отметил, что

ценность прогноза социальных явлений заключается часто, и может быть чаще всего, в том, что он вызывает силы, способные помешать наступлению прогнозируемых явлений [139, 41].

Таким образом, представляется очевидным, что практический учет и использование прогнозов обществом происходит по принципу обратной информационной связи. Прогноз того или иного явления требует от общества принятия практических мер для учета и стимулирования большей вероятности наступления предсказываемых явлений или, напротив, принятия мер, направленных на уменьшение вероятности прогнозируемого исхода. На наш взгляд, особенно характерно просматривается эта вторая сторона реализации прогнозов в праве. Как мы отмечали ранее, право можно понимать как предвосхищающее моделирование (то есть прогнозирование) поведения определенных субъектов (граждан, должностных и юридических лиц), в ряде случаев санкционирующее и стимулирующее некое их поведение в будущем, в других случаях запрещающее или признающее противоправными наказуемым предполагаемое поведение субъектов.

В этой связи представляется очевидной возможность и необходимость прогнозирования всех сторон правотворческой и правоприменительной деятельности. В советской юридической литературе положение о необходимости прогнозирования правотворческой и правоприменительной деятельности с теоретическом плане одним из первых было выдвинуто и убедительно аргументировано М. Д. Шаргородским [139]. Следует, однако, отметить, что в указанной работе вызывает серьезные возражения утверждение автора о том, что прогноз обязательно предполагает указание времени, когда то или иное событие произойдет. «Положение «преступность будет уничтожена», – писал М. Д. Шаргородский, – это вообще не прогноз... А утверждение «в будущем году преступность сократится на X процентов» – прогноз» [139, 42]. Представляется, что это не совсем так. Прогноз может касаться (а прогноз в области социальных явлений, на наш взгляд, большей частью касается) не только времени наступления какого-либо определенного события, но и направлений развития отдельных социальных явлений или общества в целом. Так, ленинская формула «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [15, 30] явилась гениальным прогнозом, указавшим направления и цели плановой работы и хозяйственного руководства страной на долгие годы. При прогнозировании в области развития юридических наук также невозможно предвидеть точные сроки реализации тех или иных прогнозов, что связано, на наш взгляд, со специфическими особенностями правотворческой и правоприменительной деятельности. Исходя из этого положения, при прогнозировании развития уголовно-процессуального закона (в частности, регламентации порядка и условий доказывания) и криминалистической тактики мы предпримем попытку прогноза развития уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики лишь с целью выявления и оценки объективных альтернатив их развития²⁴.

В предыдущих главах криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон рассматривались в аспектах диалектического единства парных философских категорий «форма и содержание», «свобода и необходимость». Однако сложность рассматриваемых нами объектов, многообразие их отношений и связей обуславливают недостаточность при анализе

²⁴ При прогнозировании используется большое количество самых различных методов. Некоторые из них, применительно к правовой науке, рассмотрены М. Д. Шаргородским [139]. В настоящее время идет становление такой новой научной дисциплины, как «исследование технологии прогнозирования», предметом которой является разработка методов анализа проблем развития отдельных систем. В качестве общих методов социалистического прогнозирования рассматриваются: диалектический метод – основополагающий методологический принцип марксистско-ленинского анализа будущего, эвристика, кибернетика, исследование операций, системно-структурный анализ. Разумеется, прогнозирование развития определенных систем требует использования и конкретных специальных методов. Так, один из создателей «исследования технологии прогнозирования», известный экономист Г. Д. Хауштейн (ГДР) к специальным методам этой дисциплины относит, в частности: методы марксистско-ленинской науки об организации, наук психологии и социологии, методы теории информации, теории игр, статистической теории принятия решений и др. [130, 36–43]. В нашем исследовании мы используем как общие, так и некоторые из указанных специальных методов прогнозирования.

их развития однозначно-причинных объяснений их функционирования. С другой стороны, как отметил В. Н. Садовский, «теоретически любой объект может быть рассмотрен как особая система; системность характеризует процесс познания таких объектов» [111,5].

С этих позиций очевидно, что криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон могут быть также рассмотрены как система. При таком рассмотрении неизбежен перенос некоторых понятий (система, поток информации, обратная связь и т. п.), введенных теорией информации и кибернетикой, на такую специфическую систему, в которой восприятие и переработка информации осуществляются человеком (рассматриваемая нами система «криминалистическая тактика – уголовно-процессуальный закон», естественно, принадлежит к классу именно таких систем). Однако, как отмечают А. Н. Леонтьев и Е. П. Кринчик, такой перенос оправдан, так как речь идет о приравнивании этих процессов (циркуляции информации по техническим системам связи и по системе типа «тактика – уголовно-процессуальный закон») «лишь на определенном уровне абстракции», позволяющем их изучать идентичными методами с одних и тех же позиций. «Открывающаяся при этом возможность квантифицировать процесс переработки человеком информации, внося известную абстракцию, не отдаляет исследование от живой психологической реальности, а напротив, позволяет глубже, полнее проникнуть в нее» [78, 228].

Под системой в современной науке понимается совокупность взаимозависимых элементов, выступающая как определенная целостность. Каждый элемент системы нередко представляет собой самостоятельную систему, которая включает в себя более простые элементы со сложными и разнообразными связями. В таком случае говорят о сложной системе... Р. Эшби считает, что система представляется наблюдателю сложной в том случае, когда она превосходит его возможности в каком-либо аспекте, важном для достижения цели [143, 117]. Из этого следует, что один и тот же объект исследования может в зависимости от цели наблюдателя в одном случае представляться сложной системой, в другом – элементом более сложной системы. Так, >В. Н. Кудрявцев, рассматривая уголовную юстицию как систему, включает в нее расследование в качестве элемента этой системы [73]²⁵.

С этих позиций «криминалистическая тактика – уголовно-процессуальный закон» рассматривается нами как сложная динамическая система. Элементами (подсистемами) этой системы являются тактика в разрезе своей функциональной структуры и уголовно-процессуальный закон в части, регламентирующей порядок и условия деятельности по доказыванию. Отметим, что свойства объекта как системы определяются не только и не столько свойствами отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особенностями его структуры, а также внутренних и внешних связей рассматриваемого объекта.

Рассмотренное выше соотношение уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики в сущности характеризует структуру и формы информационных связей между элементами данной системы. Такая система, как отмечалось, является сложной, так как каждый из ее элементов (подсистем) в свою очередь является относительно автономной сложной системой со своими специфическими элементами и связями между ними.

Особенностью регулируемых динамических систем является наличие обратной связи как между элементами системы, так и между самой системой в целом и внешней средой... Это позволяет приспособлять данную систему к новым или частично измененным условиям ее функционирования, предопределяя тем самым ее развитие.

Поскольку любая система представляет собой совокупность элементов, находящихся во взаимодействии, развитие ее может протекать в следующих направлениях: во-первых, в направлении совершенствования, трансформации самих элементов, входящих в систему; во-вторых, в направлении изменения количества элементов в подсистеме, и, в-третьих, в направ-

²⁵ Очевидно, предварительное следствие можно также рассматривать как автономную, в свою очередь сложную систему.

лении изменения (усиления, ослабления и т. д.) определенных связей между элементами системы. Отсюда следует, что развитие криминалистической тактики и уголовного закона как целостной регулируемой системы возможно либо в одном из названных направлений, либо в различных их комбинациях. Естественно, что развитие рассматриваемой системы трудно ожидать в направлении количественного изменения ее подсистем. Наиболее вероятным является развитие ее в остальных двух указанных направлениях. При этом оно возможно как «вширь» так и «вглубь», то есть как за счет совершенствования существующих элементов, так и за счет включения новых элементов в подсистемы.

Особенностью нашей системы является то, что каждая из ее подсистем (криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон), совершенствуясь в процессе многолетней судебно-следственной практики и правотворческой деятельности, в то же время существенно влияет на развитие другой ее подсистемы, определяя характер связи между элементами системы. Основываясь на изучении диалектики уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики, можно с уверенностью предположить, что в дальнейшем эта особенность не только не утратит своего значения, но и будет проявляться более отчетливо. Так, отдельно существующие или новые тактические элементы будут глубже осмысливаться в теоретическом плане, их содержание углубится, область их применения будет расширяться в рамках, предопределяемых функциональной принадлежностью этих элементов. Соответственно с этим будет происходить трансформация формы отдельных тактических элементов – от возникновения и существования их в формах тактических приемов и криминалистических рекомендаций по их применению, до облечения некоторых из них в процессуальную (императивную или альтернативную) форму. Последнее, естественно, влечет за собой развитие уголовно-процессуального закона, унифицируя в определенной степени оптимальный порядок и условия деятельности по доказыванию. «Устойчивая тенденция к унификации процессуальных форм, – отмечает М. С. Строгович, – является принципиальным направлением развития советского уголовно-процессуального законодательства» [123, 52].

Эти особенности в основном и определяют динамический, регулируемый характер рассматриваемой системы. Однако каждая из подсистем – сложная система. Так, элементами уголовно-процессуального закона как системы являются правовые нормы, регламентирующие поведение тех или иных лиц в судопроизводстве. Будучи относительно независимыми, эти элементы в то же время находятся между собой в диалектическом единстве, которое обеспечивается едиными принципами советского уголовного процесса. Именно в этом, на наш взгляд, заложена возможность развития уголовно-процессуального закона в направлении дальнейшего совершенствования и процессуальной регламентации отдельных тактических элементов и критериев допустимости их разработки и применения, преследующих цель строжайшего соблюдения социалистической законности и нравственных начал при отправлении уголовного судопроизводства.

§ 2. Некоторые направления развития уголовно-процессуального закона

Можно с большой степенью вероятности предположить, что одной из возможных альтернатив развития уголовно-процессуального закона явится унификация некоторых существующих уже в процессуальной форме тактических элементов и критериев их применения. Мы имеем в виду, в частности, следующее.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством однозначно решен вопрос о запрещении наводящих вопросов при допросе свидетеля (ст. 158 УПК). Такое же запрещение содержится и в ст. 165 УПК, регламентирующей порядок производства опознания. Однако законодатель не включил такое же требование в ст. 150 УПК, устанавливающую поря-

док допроса обвиняемого, хотя бесспорно, что постановка наводящих вопросов при допросе обвиняемого (или подозреваемого) чревата не менее, а в ряде случаев и значительно более (вредными последствиями для установления истины по делу, чем допрос с использованием наводящих вопросов свидетеля или потерпевшего. Более того, при опознании постановка наводящих вопросов запрещается. Но опознающим может быть и обвиняемый, на которого в данном случае это правило, естественно, распространяется.

Таким образом, получается, что при допросе обвиняемого не запрещается задавать наводящих вопросов, а в том случае, когда тот же обвиняемый выступает в качестве опознающего, постановка ему наводящих вопросов запрещена. Таким же двусмысленным представляется положение обвиняемого (подозреваемого) при допросе его на очной ставке со свидетелем или потерпевшим: если первому «можно» задавать наводящие вопросы, то второму – нет.

Статья 170 УПК категорически обязывает следователя принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства (интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц. Но очевидно, что такого рода обстоятельства, касающиеся как лиц, в том или ином качестве привлекаемых к расследованию, так и совершенно иных, могут быть выявлены при производстве и ряда других следственных действий: при осмотре места происшествия, почтовой корреспонденции и т. д. К сожалению, в статьях УПК, регламентирующих порядок производства этих следственных действий, подобного требования не содержится.

Статьи 179 и 183 УПК допускают использование киносъемки соответственно при производстве осмотра и следственного эксперимента. Статья 141 УПК регламентирует порядок применения звукозаписи при допросе свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Указаний на возможность применения этих средств фиксации при производстве других следственных действий в уголовно-процессуальном законе не содержится. Практика, однако, убедительно свидетельствует об имеющейся возможности и необходимости использования, например, при производстве опознания как звукозаписи, так и киносъемки, а при производстве следственного эксперимента – наряду с киносъемкой и звукозаписи. Необходимость применения указанных средств фиксации при опознании может быть проиллюстрирована характерным в этом отношении примером из следственной практики автора.

6 июня 1967 года А. выстрелами из пистолета совершил умышленное убийство граждан З. и Ш. З. скончался на месте происшествия, Ш. жил еще на протяжении полутора суток, причем все время находился в сознании. Он достаточно подробно сообщил об обстоятельствах совершенного нападения, описал приметы и особенности внешности преступника, по которым он может его опознать. Опознание А. потерпевшим от начала до конца сопровождалось фиксацией всего процесса производства этого следственного действия на киноплёнку с синхронной звукозаписью. Решение о необходимости применения этих средств фиксации было принято с учетом особой сложности данного расследования и мнения лечащих Ш. врачей о большой вероятности летального исхода. (Потерпевший умер на вторые сутки.) А. категорически отрицал свою вину в совершении инкриминируемых ему преступлений. В судебном заседании он заявил, что опознание его Ш. было произведено необъективно, он, якобы, предъявлялся на опознание в числе лиц, по внешности с ним совершенно несходных, и что опознающему следователем ставились наводящие вопросы. Суд опроверг эти заявления А. как несоответствующие истине. В приговоре: при анализе доказательств в подтверждение своего вывода в этой части суд сослался на неоднократное воспроизведение в судебном заседании киноленты и звукозаписи, сопровождавших производство опознания А., которые свидетельствовали об объективности и строжайшем соблюдении требований уголовно-процессуального закона при производстве этого следственного действия.

Указания в законе на то, что протоколы этих следственных действий составляются в порядке, установленном ст. ст. 141–142 УПК, одна из которых (ст. 141), в частности, опре-

деляет необходимые реквизиты протокола при применении киносъемки и звукозаписи, явно недостаточно для правовой регламентации их использования в ходе производства опознания или следственного эксперимента. «В системе мер по дальнейшему совершенствованию законодательства, – отмечает П. С. Элькинд, – представляется необходимым нормативно закрепить возможность использования звукозаписи при производстве любых следственных и судебных действий» [142, 118].

По нашему мнению, оптимальным путем устранения отмеченных противоречий явится некоторая унификация определенных уголовно-процессуальных норм. Так, ст. 150 УПК должна быть дополнена указанием на запрещение постановки наводящих вопросов при допросе обвиняемого. Обязанность следователя – принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лиц, должна быть распространена и на другие предусмотренные законом следственные действия. С этой целью целесообразно ввести в УПК норму примерно такого содержания: «Следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены обстоятельства интимной жизни любых лиц, выявленные при производстве следственных действий, предусмотренных настоящим кодексом». На наш взгляд, подобная норма по своему смыслу должна следовать за ст. 139 УПК, указывающей на недопустимость разглашения данных предварительного следствия. Статья 141 УПК нуждается в дополнении, дающем возможность применения звукозаписи не только при допросах обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего, но и при производстве других следственных действий с участием этих лиц. Можно предложить следующую формулировку дополнения: «По решению следователя при допросе обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего, а также производстве других следственных действий с участием этих лиц может быть применена звукозапись». Кроме того, должна быть процессуально закреплена возможность применения киносъемки не только при осмотре и следственном эксперименте, но и при опознании и при производстве других следственных действий, что возможно путем внесения необходимых дополнений в соответствующие статьи УПК. Иным путем унификации правовой регламентации применения киносъемки в ходе предварительного следствия может явиться введение в уголовно-процессуальный закон отдельной статьи, подобной ст. 141, которая бы указывала, при каких следственных действиях возможно применение киносъемки, и достаточно детально регламентировала процессуальный порядок ее использования.

Рассмотрим второе возможное направление развития уголовно-процессуального закона. В процессе совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений выкристаллизовались некоторые тактические элементы, содержание которых уже не соответствует формам их существования в настоящее время. Это обстоятельство безусловно отрицательно сказывается на рациональном применении таких тактических элементов в практике следственных и судебных органов. Марксистско-ленинская философия единственный путь разрешения подобного рода диалектических противоречий между содержанием и устаревшей формой его существования видит в изменении формы и приведении ее в соответствие с содержанием. Говоря об этом, в первую очередь мы имеем в виду такие специфические тактические элементы, как следственная реконструкция и опознание личности в процессе проведения розыскных мероприятий.

Остановимся подробнее на рассмотрении природы данных тактических элементов и возможных форм их существования. Под следственной реконструкцией в криминалистической литературе понимается воссоздание первоначального состояния обстановки или определенных объектов или частичных признаков объектов в целях решения специальных задач расследования [21, 24; 81; 167]. В. В. Куванов в кандидатской диссертации, посвященной проблемам реконструкции при расследовании преступлений, рассматривает реконструкцию как процесс воссоздания существенных с точки зрения задач расследования признаков отсутствующего

или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам [71, 5].

При однозначном в целом определении понятия следственной реконструкции вопрос о формах существования данного тактического элемента является весьма дискуссионным., Р. С. Белкин и М. П. Хилобок полагают, что следственная реконструкция является тактическим приемом расследования, который не имеет самостоятельного характера и используется при производстве отдельных следственных действий [21, 24; 131, 125]. И. М. Лузган и И. Е. Быховский придерживаются противоположной точки зрения и считают, что следственная реконструкция отдельных объектов может быть рассмотрена как автономное следственное действие. Последовательно развивая свое положение о следственной реконструкции как о самостоятельном следственном действии, эти авторы полагают необходимым дополнить уголовно-процессуальный кодекс статьей, которая бы закрепила указанный характер реконструкции и определила бы условия и порядок ее применения, И. М. Лузгин и И. Е. Быховский предложили следующий текст статьи: «В целях получения и проверки доказательств следователь в необходимых случаях вправе на основе имеющихся материалов восстановить первоначальное положение и состояние предметов на месте происшествия, а также реконструировать утраченные предметы или отдельные их свойства.

Реконструкция места происшествия и других объектов допускается только после их осмотра в первоначальном неизменном состоянии.

Реконструкция проводится в присутствии понятых; при необходимости в ней участвуют обвиняемый, подозреваемый, потерпевший и следователь. К участию в реконструкции могут быть привлечены специалисты.

Реконструированные объекты осматриваются (разрядка наша – О. Б.) по правилам ст. 179 УПК РСФСР.

Протокол составляется в соответствии со ст. 141 и ст. 182 УПК РСФСР. В нем указываются также данные, послужившие основанием для реконструкции, отражаются ход и результаты реконструкции и последующего осмотра (разрядка наша – О. Б.) реконструированного объекта.» [30, 134–135]²⁶

Детальный анализ текста новеллы, предлагаемой И. М. Лузгиным и И. Е. Быховским, проведен М. П. Хилобок в статье «К вопросу о следственной реконструкции при осмотре места происшествия». В ней же приведены весьма убедительные, на наш взгляд, аргументы, опровергающие самостоятельный характер реконструкции [131].

В связи с этим мы лишь вслед за М. П. Хилобок отметим, что сам текст новеллы указанных авторов о реконструкции свидетельствует о том, что реконструкция носит подчиненный, вспомогательный характер относительно следственных действий, для рационального и эффективного осуществления которых она производится (осмотра, опознания, следственного эксперимента, экспертизы). Такой вспомогательный, не самостоятельный характер реконструкции отчетливо виден при сопоставлении ее с определением процессуального следственного действия. «Следственные действия представляют собой приспособленные к получению и передаче определенного вида информации комплексы познавательных и удостоверительных приемов, операций по собиранию и проверке доказательств, предусмотренные процессуальным законом в виде правил и осуществляемые непосредственно следователем (судом)» [88, 383–384]²⁷.

²⁶ Отметим, что В. В. Куванов занимает промежуточную позицию: в одних случаях он считает, что следственная реконструкция служит источником доказательственной информации и носит характер самостоятельного следственного действия, в других – указывает, что она лишь способствует получению такой информации, а следовательно, не может быть признана как самостоятельное следственное действие [71, 9].

²⁷ Удачная, на наш взгляд, систематизация следственных действий предложена С. А. Шейфером. По методам отображения фактических данных следственные действия им классифицированы на: а) приспособленные к отображению (вербальной информации (допросы, очная ставка); б) направленные на отображение невербальной информации (осмотры, выемка, обыск и т. д.); в) предназначенные к отображению как вербальной, так и невербальной информации (предъявление для опознания,

Если в аспекте определения следственного действия рассматривать содержание реконструкции, то представляется очевидным, что оно не отвечает многим требованиям, предъявляемым к совокупности приемов и операций по собиранию и проверке доказательств, именуемых следственным действием. В самом деле сама реконструкция способствует выявлению некой искомой информации. Однако извлечь такую информацию из реконструкции, придать ей доказательственный характер возможно лишь в процессе производства таких следственных действий, как осмотр, опознание, следственный эксперимент и т. д.

С этих позиций мы считаем необходимым рассмотреть примеры реконструкций, приведенные И. М. Лузгиным в монографии «Методологические проблемы расследования» [81].

В процессе рассмотрения дела о краже уникальных настенных часов из помещения Вологодского областного суда Ф., признавая себя виновным в совершении данного преступления, пояснил, что часы, которые он украл, висели в коридоре суда над столом. С целью проверки его показаний были внесены изменения в обстановку коридора суда. В частности, там, где раньше висели часы, был повешен портрет, стол был переставлен в другой конец коридора и над ним был вбит гвоздь. Данная реконструкция была зафиксирована в отдельном протоколе. Приведенный в коридор суда Ф., которому было предложено воссоздать обстановку, существовавшую в момент совершения кражи, не задумываясь, показал на участок стенки над столом, где был вбит гвоздь и, по его мнению, должны были ранее висеть украденные часы. Это с очевидностью свидетельствовало о том, что Ф., оговорил себя и кражи часов не совершал.

Что же в доказательственном отношении содержала в себе указанная реконструкция? Представляется, что сама по себе она не имела никакого доказательственного значения, а естественно, способствовала выявлению некоторой информации. Однако лишь осмотр реконструированного места происшествия с участием подозреваемого позволил установить тот факт, что Ф. не знал, где висели похищенные часы и, следовательно, данной кражи не совершал. Таким образом, только осмотр места происшествия, правда своеобразный, после реконструкции имел доказательственное значение по делу²⁸.

Рассмотрим еще пример, приведенный И. М. Лузгиным. На Ивановской трикотажной фабрике была совершена кража. Преступники проникли в помещение цеха, разбив стекло в окне. На осколках стекла были обнаружены следы пальцев рук. Подозреваемые, отрицая свою причастность к совершению преступления, объясняли наличие следов их пальцев на осколках стекла тем, что они подходили к окну во время работы и оставили следы пальцев с внутренней стороны окна еще до того, как оно было разбито. С целью проверки их объяснений была проведена реконструкция разбитого оконного стекла, для осуществления которой были использованы осколки стекла как оставшиеся в раме, так и обнаруженные на земле под разбитым окном, часть из которых со следами пальцев рук была заменена для предотвращения порчи следов макетами этих осколков.

«Реконструкция позволила установить, что следы пальцев расположены на наружной поверхности осколков стекла», – пишет И. М. Лузгин [81, 170]. Отметим, что во-первых, для обоснованного решения вопроса, находятся ли отпечатки пальцев рук с внешней или внутренней стороны разбитого стекла, на наш взгляд, необходимы специальные познания в области трасологии (в описываемом случае подобный вопрос должен был быть предметом исследования криминалистической экспертизы) и, во-вторых, не сама реконструкция позволила установить, с какой стороны стекла находятся следы пальцев, а не что иное, как осмотр реконструированного стекла. Доказательственное значение имела информация, полученная в результате осмотра реконструированного объекта, в данном случае оконного стекла.

проверка показаний на месте, задержание подозреваемого) [140, 48–49].

²⁸ Отметим, что реконструкция, производимая в подобных целях, по существу является одним из методов психического воздействия на личность в судопроизводстве, о природе и механизме формирования которых мы подробно остановимся в следующем параграфе.

Третий пример. При расследовании дела о пожаре была произведена реконструкция сгоревшего помещения конторки, в которой, согласно одной из версий, мог быть очаг пожара. Реконструкция была произведена на основании показаний свидетелей, фотоснимков, данных осмотра места происшествия. В связи со сложностью реконструкции данного объекта его соответствие уничтоженному объекту было проверено, кроме того, путем проведения опознания реконструированного помещения конторки свидетелями и подозреваемыми и следственным ее осмотром. Таким образом, была возведена постройка, аналогичная в существенных своих чертах уничтоженной конторке. Само по себе никакой доказательственной ценности, на наш взгляд, такая реконструкция, при всей сложности ее производства, не имеет. Доказательственная информация была получена лишь после исследования реконструированного помещения наряду с другими материалами пожарно-технической экспертизой. Следовательно, даже разбор примеров реконструкций, приведенных И. М. Лузгиным, свидетельствует о том, что реконструкция выступает лишь как первоначальный этап, как условие, тактический прием производства того или иного следственного действия. «Мы реконструируем обстановку, – пишет Р. С. Белкин, – либо для ее последующего осмотра, либо для проведения в созданных условиях следственного эксперимента или опознания тех или иных объектов и т. п.» [21, 24].

Не соглашаясь с И. М. Лузгиным и И. Е. Быховским в том, что реконструкция носит характер самостоятельного действия, мы, однако, не можем не согласиться с их замечанием, о том, что содержание реконструкции не соответствует регламентированным уголовно-процессуальным законом условиям, и порядку производства следственных действий, в рамках которых она производится в настоящее время. Особенно наглядно это противоречие проявляется при необходимости реконструкции (места происшествия с целью последующего осмотра реконструированной обстановки, ибо, как известно, ст. 182 УПК требует производства осмотра лишь в том виде, в котором обнаруженное наблюдалось в момент осмотра.

О чем же это свидетельствует? На наш взгляд, о том, что содержание реконструкции как тактического элемента переросло такие формы, как тактический прием и криминалистическая рекомендация по его использованию, в которые оно облечено в настоящее время. Как уже говорилось, разрешение подобных противоречий происходит путем изменения старых, форм. Это подтверждает справедливость мнения о необходимости изменения существующей формы реконструкции и облечения данного тактического элемента в иную, процессуальную форму, которая альтернативно представляла бы право на производство реконструкции в рамках существующих следственных действий и достаточно детально регламентировала в императивной форме порядок и условия производства реконструкции при определенных следственных действиях.

Отметим, что уголовно-процессуальный закон уже знает подобные формы закрепления отдельных тактических элементов, причем прямо подчеркивает вспомогательный характер их по отношению к следственным действиям. Мы имеем в виду ст. 186 УПК, в которой в подобной форме закреплены право и порядок получения образцов для дальнейшего сравнительного исследования. Отметим также, что данная статья расположена в главе 16 УПК, регламентирующей порядок производства экспертизы.

Мы не можем согласиться с С. А. Шейфером, считающим получение образцов самостоятельным следственным действием [140, 45]. Свое мнение С. А. Шейфер обосновывает тем, что получение образцов само по себе, а не только в связи с экспертизой, выступает как инструмент получения информации, имеющей значение для дела. Автор, однако, признает, что полученная в ходе этого действия информация не может быть «прочтена» следователем непосредственно, но имеет доказательственное значение в связи с проведением экспертного исследования [140, 46]. А если это так (что не вызывает у нас возражений), то доказательственного значения получение образцов само по себе не имеет (они не являются вещественными или письменными доказательствами, не приобщаются в этом качестве к уголовному делу и т. п.), а

потому является не самостоятельным следственным действием, а лишь «инструментом», тактическим приемом, облеченным в процессуальную форму, объективного и рационального производства следственного действия (в частности, назначение той или иной экспертизы).

Переходя к рассмотрению вопроса об опознании личности в процессе проведения розыскных мероприятий, сразу же отметим, что в данном случае речь идет не о разведывательно-поисковой собственно оперативной деятельности, а о проводимой в специфических условиях процессуальной деятельности следователя и органа дознания для раскрытия преступления, по факту совершения которого имеется возбужденное уголовное дело. Необходимость проведения такого рода опознаний зачастую возникает при расследовании преступлений против личности в тех случаях, когда ни следственным, ни оперативным путем не представляется практически возможным сузить круг лиц, среди которых может оказаться лицо, опознание которого требуется. Приведем несколько характерных примеров обстоятельств, вызвавших необходимость проведения опознания в указанных выше условиях.

Ж., потерпевшая по делу об изнасиловании, заявила, что с преступником она в вечер происшествия познакомилась на танцах в одном из городских парков культуры и отдыха. Ж. также пояснила, что танцплощадку этого парка она посещала регулярно, но парня, который ее изнасиловал, там никогда не видела. В связи с практической невозможностью за короткое время сузить круг подозреваемых, было принято решение посетить с участием Ж. танцплощадки других парков города и некоторые места, в которых по вечерам собирается молодежь. При посещении одной из танцплощадок Ж. среди большого числа находящихся там лиц указала на одно из них и заявила, что именно этот парень ее изнасиловал, причем тут же пояснила, по каким признакам она его опознала. Опознанный Ж. гражданин был задержан и впоследствии изобличен в ее изнасиловании.

Воронежский областной суд, рассматривавший данное дело по первой инстанции, как на одно из доказательств вины осужденного сослался на опознание его потерпевшей Ж., проведенное в указанных выше условиях и отраженное в протоколе опознания.

Подобным образом был установлен очевидец убийства гражданина П. Расследованием было установлено, что убийство П. совершил один из молодых людей, с которыми потерпевшего видел свидетель Ш. На допросе Ш. сообщил, что одного из этих двух парней он хорошо рассмотрел и может опознать, хотя ранее его не встречал. Было выдвинуто предположение, что этот человек может работать на одном из нескольких заводов, расположенных в районе места убийства П. Очевидно, что попытки как-либо сузить круг лиц, среди которых мог оказаться данный гражданин, потребовали бы весьма продолжительного времени. В этой связи было принято решение проводить в определенные часы патрулирование с Ш. у проходных заводов. Данная попытка увенчалась успехом. Ш. среди массы лиц, выходивших из проходной одного из заводов после окончания рабочей смены, опознал В. как то лицо, которое находилось с потерпевшим незадолго до убийства последнего. В. признал, что явился очевидцем убийства П., которое совершил З. Последний был задержан и изобличен в совершении данного преступления.

Отметим, что в обоих случаях рядом с опознающим кроме работников органа дознания находились и два понятых, с участием которых составлялись протоколы опознаний.

Возможность признания за подобного рода опознаниями доказательственной силы кроется, на наш взгляд, в самой природе такого информационного процесса, каким является опознание образов. По существу процесс опознания сводится к отнесению неизвестного отображения к одному из следов в памяти опознающего на основе: а) поступающих к опознающему импульсов в виде восприятия и отражения примет и особенностей внешности лиц, предъявляемых на опознание; б) наложения этих импульсов на систему информационных сигналов, «записанную» в памяти опознающего, с которыми он имел дело в прошлом опыте, при обстоятельствах, вызвавших необходимость опознания [40, 121; 79, 84]

Напомним, что внешность человека определяется как совокупность анатомических, функциональных и социальных признаков человека, доступных конкретно-чувственному восприятию. К анатомическим признакам относятся скелетно-мышечная структура лица и тела, к функциональным – различного рода выразительные движения лица и тела (мимика, голос, речь); к социальным – элементы оформления внешности в виде одежды, косметики, украшений [27; 101].

Психологические аспекты опознания в уголовном судопроизводстве подробно и обстоятельно исследованы Н. Н. Гапановичем в работе, специально посвященной процессуальным и психологическим проблемам опознания [47].

Тактические элементы, составляющие регламентированный в императивной форме уголовно-процессуальным законом порядок производства опознания, направлены, по нашему мнению, на обеспечение строжайшей объективности, «чистоты» прохождения этого процесса и установления критерия оценки его результатов.

В ст. 165 УПК можно выделить следующие тактические элементы (мы рассматриваем лишь опознание личности):

1. Необходимость предъявления лица, опознание которого производится, вместе с другими лицами, которых должно быть не менее двух.

2. Эти лица должны быть по возможности сходными по внешности с опознаваемым. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 18 декабря 1964 года по делу Леготина указал на грубое нарушение описываемого тактического элемента, опорочившее доказательственную силу опознания: «...Леготин был официально предъявлен Тане на опознание среди таких лиц, приметы которых явно отличались от описанных ранее потерпевшей примет преступника. В частности, Леготин был предъявлен среди лиц, из которых один узбек, другой русский, одетые в черные костюмы, в то время как Леготин был одет в клетчатую рубашку» [151, 338].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.